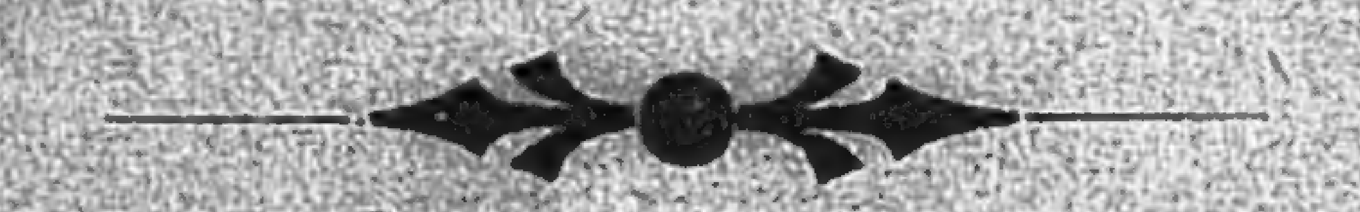

ДБ
300
Я49
Якушкин,
В.
Сперанский
и Аракчеев.
СПб, 1905

Всеобщая Библіотека Г. Ѳ. Львовича.

В. Якушкинъ.

Сперанскій и Аракчеевъ.

Цѣна 15 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Альтшулера. Эртелевъ пер., д. 17—9.
1905.

Издательство Г. Ѳ. Львовича.

Печатаются и въ непродолжительномъ времени выйду въ свѣтъ слѣдующія книги (заглавія ихъ при выходѣ м гутъ быть измѣнены):

Проф. О. Пифферунъ. Европейскія избирательныя системы (Па ламентскія, провинціальныя и муниципальныя). П реводъ Ю. Стеклова. Со статьей **М. М. Ковалевска «Всеобщее избирательное право».**

Проф. К. Бугле. Демократія передъ судомъ науки. Перевод М. Григорьева и В. Майера подъ редакціей П. А. Бе лина.

Проф. Моро. Въ защиту парламентаризма. Переводъ по редакціей П. А. Берлина.

Фришъ. Отвѣтственность монарховъ и высшихъ должностны лицъ въ западно-европейскихъ странахъ. Переводъ по редакціей П. А. Берлина.

Проф. А. Менгеръ. Право на полное вознагражденіе за трудъ въ историческомъ изложеніи.

К. Каутскій. Экономическія ученія Карла Маркса. Общедосту ное изложеніе.

К. Каутскій. Томасъ Моръ и его утопія. Переводъ Г. Ѳ. Льв вича.

Э. Бернштейнъ. Фердинандъ Лассаль и его значеніе.

Всеобщая Библіотека Г. Ѳ. Львовича.

В. Якушкинъ.

Сперанскій и Аракчеевъ.

Цѣна 15 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Альтшулера. Эртелевъ пер., д. 17—9
1905.

Дозволено цензурою Москва, 23 февраля 1905 г.

Сперанскій и Аракчеевъ.

I.

Пушкинъ въ 1827 году говорилъ одному изъ своихъ друзей, что онъ напишетъ исторію Александра I «языкомъ Курбскаго». Поэтъ здѣсь разумѣлъ, очевидно, историческіе мемуары объ эпохѣ, имъ пережитой: онъ собирался говорить «языкомъ Курбскаго» о послѣднихъ годахъ царствованія Александра I; иначе относился онъ къ началу Александровской эпохи. Къ сожалѣнію, Пушкинъ не исполнилъ своего намѣренія. До насъ дошли только записки его, которыя онъ начиналъ писать въ разное время; и эти записки, составлявшіяся урывками, иногда имѣвшія характеръ краткаго дневника, нетолько очень важны для біографіи поэта, но и представляютъ историческій матеріалъ общаго интереса. Въ запискахъ Пушкина тридцатыхъ годовъ не разъ заходитъ рѣчь о времени, которое онъ воспѣвалъ еще раньше въ стихахъ: «Дней Александровыхъ прекрасное начало»... Пушкинъ передаетъ, между прочимъ, о нѣсколькихъ свиданіяхъ своихъ со Сперанскимъ. Однажды онъ обѣдалъ у Сперанскаго, и послѣдній разсказывалъ ему про свое изгнаніе въ 1812 году. «Я говорилъ ему,—прибавляетъ Пушкинъ,—о прекрас-

номъ началѣ царствованія Александра. Вы и Аракчеевъ, вы стоите въ дверяхъ противоположныхъ этого царствованія, какъ геніи зла и блага».

Этими словами вѣрно характеризуется значеніе Сперанскаго и Аракчеева для царствованія Александра I. Первый изъ нихъ былъ главнымъ представителемъ и выразителемъ тѣхъ началъ, которыя, даже не вполнѣ при-примѣненныя, не осуществленныя до конца, оказали благотворное вліяніе на русскую жизнь и по своему значенію принадлежатъ къ наиболѣе важнымъ элементамъ въ исторіи нашего общественнаго самосознанія. И тѣмъ болѣе Сперанскаго можно назвать «геніемъ блага», что его работа въ области государственнаго управленія и законодательства по творческой силѣ, по глубинѣ мысли должна быть прямо названа геніальной. Что касается Аракчеева, то онъ, не лишенный извѣстной силы, сосредоточиваетъ въ себѣ наиболѣе мрачныя черты второй половины царствованія Александра I и въ этомъ смыслѣ можетъ быть вполнѣ противополагаемъ Сперанскому.

За послѣднее время въ печати появилось немало новыхъ данныхъ, которыя проливаютъ большій свѣтъ на обѣ эти замѣчательныя личности. Въ четырехтомномъ трудѣ Н. К. Шильдера «Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе» мы находимъ много новыхъ свѣдѣній какъ о Сперанскомъ, такъ и объ Аракчеевѣ. Біографъ Александра I, сдѣлавшій столько для выясненія личности своего героя, постарался выяснить намъ исторію отношеній императора Александра къ Сперанскому и Аракчееву, освѣтилъ на основаніи новыхъ фактовъ при-

чины паденія Сперанскаго, объяснилъ дружескую связь, которая такъ крѣпко привязала государя къ Аракчееву. Историку удалось воспользоваться такимъ цѣннымъ матеріаломъ, какъ подлинный планъ государственнаго преобразованія, составленный Сперанскимъ, до того извѣстный лишь въ отрывкахъ, переданныхъ Н. И. Тургеневымъ въ его французскомъ сочиненіи о Россіи. Біографъ Александра имѣлъ въ рукахъ обширную подлинную переписку государя съ Аракчеевымъ и другія бумаги знаменитаго временщика. Помимо богатыхъ данныхъ, собранныхъ, такимъ образомъ, въ изслѣдованіи Н. К. Шильдера, за послѣдніе годы, уже послѣ появленія изслѣдованія, печатались различные документы для біографіи и характеристики Сперанскаго и Аракчеева въ историческихъ журналахъ и сборникахъ. Здѣсь опять-таки попадалось немало любопытныхъ указаній. Особенно важно отмѣтить «проектъ уложенія государственныхъ законовъ» Сперанскаго, напечатанный въ *Историческомъ Обозрѣніи* по черновой подлинной рукописи и дающій нерѣдко текстъ болѣе подробный, чѣмъ у Шильдера, а также интересныя воспоминанія такого умнаго современника, какъ Батеньковъ, близко знавшій и Сперанскаго, и Аракчеева. Всѣ эти новыя данныя и послужатъ мнѣ матеріаломъ для краткихъ характеристикъ, въ которыхъ я постараюсь напомнить о личности и дѣятельности геніальнаго Сперанскаго и «безъ лести преданнаго» Аракчеева.

Михаилъ Михаиловичъ Сперанскій родился 1-го января 1772 г. въ семьѣ бѣднаго сельскаго священника, въ

с. Черкутинѣ Владимірскаго уѣзда. Отецъ Сперанскаго былъ совершенно заурядный человѣкъ; мать отличалась энергіей и живостью ума, была почитаема среди сосѣдей за свою благочестивую жизнь, но въ общемъ все, что мы знаемъ о родныхъ Сперанскаго, объ ихъ домашнемъ бытѣ и обстановкѣ, имѣетъ характеръ самыхъ обыденныхъ условій довольно темной жизни сельскаго духовенства въ прошломъ вѣкѣ, и здѣсь нельзя указать ничего, что объяснило бы намъ возможность развитія сильной личности будущаго геніальнаго министра. Между тѣмъ немногое, что мы знаемъ о первомъ дѣтствѣ Сперанскаго, показываетъ намъ, что онъ уже ребенкомъ проявлялъ черты, выдѣлявшія его изъ среды сверстниковъ, изъ всей среды, его окружавшей. «Постоянно задумчивый,—разсказываетъ его біографъ, бар. М. А. Корфъ,—онъ не дружился съ прочими дѣтьми, избѣгалъ ихъ забавъ, весь, какъ только выучился грамотѣ, отдался книгамъ и съ несвойственною его лѣтамъ усидчивостью читалъ безъ устали все, что попадалось ему подъ руки, и печатное, и писаное». Мать Сперанскаго вспоминала потомъ: «Миша не выйдетъ на улицу, сидитъ себѣ на чердакѣ, да все что-то читаетъ или пишетъ». Въ характерѣ мальчика съ годами происходили перемѣны, отчасти зависѣвшія отъ состоянія его здоровья. Вначалѣ онъ былъ слабъ и болѣзненъ, потомъ быстро окрѣпъ, отличался рѣзвостью, быстротой, силой, былъ веселаго нрава, не всегда воздержанъ на языкъ. Такимъ его рисуютъ намъ воспоминанія его товарищей по семинаріи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ всегда былъ привязчивъ и доброжелателенъ, пользовался общимъ

расположеніемъ своихъ товарищей, а также и семинарскаго начальства. Родные очень любили Сперанскаго, который такъ участливо и заботливо относился къ нимъ. Характерною чертой въ Сперанскомъ была прочность его привязанностей, которыя онъ сохранялъ на всю жизнь: достигнувъ потомъ первыхъ рядовъ государственной жизни, пользуясь исключительнымъ положеніемъ и вліяніемъ, Сперанскій никогда не забывалъ своихъ друзей по прежней жизни, не отворачивался отъ нихъ.

Отецъ Сперанскаго не имѣлъ родовой фамиліи, и сынъ его получилъ свою фамилію, столь имъ прославленную потомъ, при поступленіи въ семинарію: она была дана ему его дядей и должна была означать надежды, которыя возлагались родными на мальчика, уже тогда поражавшаго своими способностями. Въ семинаріи Сперанскій въ младшихъ классахъ, гдѣ приходилось брать всю премудрость только памятью, учился хуже многихъ своихъ товарищей, но съ риторическаго класса, гдѣ уже требовалось собственное размышленіе, онъ сразу занялъ первое мѣсто и удержалъ его до конца. По своему хорошему голосу онъ былъ назначенъ въ архіерейскій хоръ; когда на праздникахъ пѣвчіе по домамъ богатыхъ купцовъ пѣли кантаны, Сперанскій не входилъ въ комнаты, останавливаясь у дверей, и потомъ отказывался отъ своей доли въ общей выручкѣ, несмотря на свою крайнюю бѣдность. Сперанскій такъ пристрастился къ своему ученію, что, какъ самъ потомъ разсказывалъ, онъ всегда бывалъ радъ, когда наступало время ѣхать изъ дому въ семинарію, и при разставаніи съ родителями, къ стыду своему и боль-

шому соблазну родителей, не могъ обыкновенно проронить ни одной слезы: уѣзжая, онъ сгаралъ желаніемъ вернуться къ своимъ занятіямъ.

Въ 1788 г. бычa учреждена главная семинарія въ Петербургѣ при Александровскомъ монастырѣ. Въ нее должны были направляться всѣ лучшіе ученики изъ всѣхъ семинарій, «надежнѣйшіе въ благонравіи, поведеніи и ученіи и лучшаго передъ другими понятія, для образованія ихъ къ учительской въ высшихъ классахъ должности». Въ 1790 г. восемнадцати лѣтъ отъ роду, Сперанскій былъ отправленъ съ двумя другими товарищами въ Петербургъ и былъ принятъ на казенный счетъ въ главную семинарію. Какъ преподаваніе въ этомъ новомъ заведеніи, имѣвшемъ педагогическія цѣли, такъ и вообще всѣ его порядки были далеки отъ совершенства. Но при своихъ способностяхъ и при своемъ усердіи къ занятіямъ Сперанскій извлекъ много пользы изъ годовъ своего ученія. Онъ долженъ былъ по окончаніи курса вернуться въ родную епархію въ качествѣ преподавателя, но онъ обратилъ на себя вниманіе и былъ оставленъ въ Петербургѣ. Сперанскій произносилъ проповѣди въ церкви съ большимъ успѣхомъ, производилъ сильное впечатлѣніе на слушателей: еще во владимірской семинаріи онъ поражалъ товарищей своимъ убѣжденнымъ словомъ. Проповѣди Сперанскаго услыхалъ митрополитъ Гавріилъ и такъ былъ ими доволенъ, что пожелалъ удержать его при себѣ. Онъ представилъ въ синодъ, что изъ всѣхъ учениковъ главной семинаріи «больше всѣхъ успѣлъ какъ въ математическомъ, такъ и въ философскомъ классѣ владимірской

семинаріи семинаристъ Михаила Сперанскій», и просилъ оставить его для преподаванія въ главной семинаріи. Желаніе митрополита было исполнено. При этомъ, конечно, Сперанскому дѣлались сильныя внушенія принять монашество, но онъ, полный цѣломудренныхъ и нравственныхъ инстинктовъ, не чувствовалъ себя все-таки склоннымъ къ иночеству и отклонилъ всѣ предложенія, которыя ему дѣлались въ этомъ смыслѣ. Сперанскій двадцати лѣтъ былъ назначенъ преподавателемъ семинаріи. Онъ самъ говорилъ потомъ: «Преосвященный Гавріилъ особенно меня любилъ и потому велѣлъ учить другихъ, когда мнѣ самому еще надобно было доучиваться». Онъ былъ назначенъ преподавателемъ математики, а затѣмъ также физики и краснорѣчія. За первый предметъ ему было положено жалованья 150 р. въ годъ, за два другихъ, какъ за дополнительные,—50 р. въ годъ за оба. Въ 1795 г. онъ былъ назначенъ учителемъ философіи и вмѣстѣ префектомъ семинаріи, причемъ окладъ его былъ увеличенъ до 250 р. въ годъ. Не останавливаюсь на преподавательской дѣятельности Сперанскаго. Объ его успѣхѣ здѣсь свидѣтельствуетъ назначеніе его префектомъ академіи 23-хъ лѣтъ отъ роду, отказавшагося отъ монашества, тогда какъ всѣ его предшественники были изъ іеромонаховъ. Упомяну еще, что изъ лекцій Сперанскаго составилась, между прочимъ, цѣлая книга: «Правила высшаго краснорѣчія», — выдающееся литературное явленіе своего времени, не увидавшее, впрочемъ, печати, но долго ходившее среди семинаристовъ въ спискахъ.

Мы видѣли, какъ мало получалъ Сперанскій какъ

учитель и даже префектъ главной семинаріи. Несмотря на всю скромность его потребностей онъ долженъ былъ искать на сторонѣ дополнительнаго заработка. Одинъ землякъ рекомендовалъ Сперанскаго князю А. Б. Куракину, какъ домашняго секретаря. Князь какъ-то въ 8 часовъ вечера призвалъ молодого учителя для испытанія и поручилъ ему написать одинадцать писемъ къ разнымъ лицамъ, употребивъ около часа времени на объясненіе содержанія писемъ. Сперанскій немедленно принялся за работу, и на другое утро, въ 6 часовъ, всѣ письма были уже на столѣ Куракина. Тотъ не хотѣлъ вѣрить, что работа исполнена, когда же прочелъ письма, пришелъ въ совершенный восторгъ отъ мастерскаго изложенія. Сперанскій былъ принятъ домашнимъ секретаремъ Куракина, а также давалъ въ его семьѣ уроки. Сближеніе съ Куракинымъ послужило основаніемъ для перемѣны рода дѣятельности и вывело Сперанскаго на широкую дорогу государственной службы. Среди служебныхъ обязанностей и преподаванія Сперанскій не оставлялъ своихъ собственныхъ занятій, много читалъ по разнымъ научнымъ вопросамъ, занимался изученіемъ языковъ. Между прочимъ черезъ сблизившагося съ нимъ гувернера Куракиныхъ, прусака Брюкнера, на него вліяла французская философія просвѣщенія, съ которой онъ встрѣтился еще въ главной семинаріи.

Послѣ воцаренія Павла I князь А. Б. Куракинъ получилъ большое вліяніе: онъ былъ назначенъ генералъ-прокуроромъ, награжденъ нѣсколькими орденами до Андрея Первозваннаго включительно, получилъ чинъ дѣй-

ствительнаго тайнаго совѣтника. Возвышеніе Куракина вызвало перемѣну и въ судьбѣ Сперанскаго. Зная выдающіяся способности своего секретаря, Куракинъ пожелалъ воспользоваться его услугами для государственной службы Но, прежде чѣмъ поступить на службу, Сперанскому надо было уволиться изъ духовнаго званія. При авторитетѣ Куракина митрополитъ, конечно, согласился на это, и прошеніе Сперанскаго, изъяснявшее, что онъ «находитъ сообразнѣйшимъ со своими склонностями и счастіемъ вступить въ статскую службу», было удовлетворено. Сперанскій говорилъ: «Жажда ученія побудила меня перейти изъ духовнаго званія въ свѣтское. Я надѣялся ѣхать за границу и усовершенствовать себя въ нѣмецкихъ университетахъ; но вмѣсто того завлекся службой»...

Быстро возвысившійся Куракинъ сумѣлъ столь же быстрыми шагами повести службу своего секретаря, опредѣленнаго въ генералъ-прокурорскую канцелярію. Въ полтора года службы Сперанскій получилъ чинъ коллежскаго совѣтника должность начальника отдѣленія. Вдругъ, Куракинъ впалъ въ немилость, былъ отставленъ и долженъ былъ жить въ своихъ имѣніяхъ. Первымъ побужденіемъ Сперанскаго было послѣдовать за нимъ, но Куракинъ самъ убѣдилъ его не оставлять службы. Генералъ-прокуроры у императора Павла I смѣнялись быстро: за Куракинымъ слѣдовалъ Лопухинъ, котораго замѣнилъ Беклешовъ, а послѣдняго Обольяниновъ. Сперанскій при своихъ необыкновенныхъ способностяхъ и исключительныхъ познаніяхъ, при своемъ неутомимомъ трудолюбіи и при характерѣ, заставлявшемъ его уважать,

удержался при этихъ перемѣнахъ, подвигаясь впередъ по службѣ быстрыми шагами. Когда среди сослуживцевъ раздался ропотъ при быстромъ назначенiи Сперанскому сразу двухъ наградъ, его начальникъ сказалъ имъ: «Попробуйте быть такими же орлами, какъ онъ, и вамъ тоже самое будетъ». Кромѣ своей службы въ канцелярiи генералъ-прокурора, Сперанскiй былъ назначенъ еще правителемъ канцелярiи по снабженiю Петербурга хлѣбомъ. Сперанскiй по этой должности вошелъ въ непосредственныя сношенiя съ президентомъ коммиссiи, первымъ петербургскимъ генералъ-губернаторомъ, великимъ княземъ Александромъ Павловичемъ. У насъ есть свидѣтельство, что, несмотря на служебные успѣхи и на милости со стороны начальства, Сперанскiй нерѣдко тяготился тогдашними условiями своей службы. «Я живу по-прежнему,—писалъ онъ въ началѣ 1801 г. одному другу,—т. е. въ хлопотахъ или скукѣ, два препровожденiя обыкновенныя моего времени». Въ другомъ письмѣ того же приблизительно времени онъ писалъ: «Я боленъ, другъ мой, и въ безконечныхъ хлопотахъ. Пожалѣй о человѣкѣ, котораго всѣ просятъ, который всѣмъ хочетъ добра и рѣдкимъ сдѣлать его можетъ, и рвется тѣмъ самымъ, что положенiе его многихъ обманываетъ,—положенiе, а не сердце. Пожалѣй о человѣкѣ, которому столькiе завидуютъ». Общiя условiя времени отражались тяжело и на Сперанскомъ. Ему приходилось страдать и отъ необходимости работать иногда при невозможныхъ условiяхъ Такъ, до насъ дошло преданiе, какъ Сперанскаго заперли въ Гатчинѣ и заставили въ нѣсколько дней написать

какой-то уставъ при пособіи нѣсколькихъ иностранныхъ сочиненій, оказавшихся въ дворцовой библіотекѣ.

Настало новое царствованіе. Императоръ Александръ I оживилъ Россію, какъ бы послѣ тяжелой болѣзни, обѣщаніемъ управлять по духу Екатерины, цѣлымъ рядомъ мѣръ, которыя отмѣняли стѣсненія и наказанія, объявленныя при Павлѣ I, которыя вводили новыя начала въ различныя стороны общественной и государственной жизни. Администраціи были указаны новыя основанія для дѣятельности, народное просвѣщеніе получило новыя средства и новые уставы, литература почувствовала болѣе свободы, вся жизнь общества стала полнѣе и вольнѣе. Вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовалось или было даже извѣстно, что принятыя мѣры представляютъ только начало, что Государь съ кружкомъ своихъ друзей, который онъ называлъ «комитетомъ общественнаго спасенія», обдумываетъ планы болѣе широкихъ преобразованій. По разнымъ причинамъ, работа императора Александра и его друзей за первое время царствованія, ознаменовавшись цѣлымъ рядомъ существенныхъ мѣръ по различнымъ отраслямъ, не была завершена окончательнымъ общимъ проектомъ преобразованія, и эта работа перешла къ Сперанскому, который скоро занялъ при Александрѣ мѣсто перваго совѣтника и исполнителя. «Прекрасное начало» царствованія Александра получило полное развитіе въ дѣятельности Сперанскаго, въ мѣрахъ, которыя онъ провелъ и которыя онъ проектировалъ.

Вступленіе на престолъ Александра I сразу укрѣпило и подвинуло служебную карьеру Сперанскаго. Онъ былъ

извѣстенъ молодому государю по работѣ его въ коммиссіи о продовольствіи Петербурга.) При установившейся репутаціи Сперанскаго онъ не только былъ на виду, но его содѣйствіе оспаривали министры другъ у друга. Сначала Сперанскій былъ при Трощинскомъ, который пользовался большимъ значеніемъ у Александра I.(Въ 1802 г., когда былъ изданъ указъ о новомъ образованіи министерствъ и министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ назначенъ Кочубей, послѣдній пожелалъ, чтобы Сперанскій былъ у него директоромъ департамента. Въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, только-что организовавшемся, было много важныхъ дѣлъ, и Сперанскій могъ показать силу своего творческаго ума. Онъ внесъ въ дѣйствія министерства жизнь, одушевленіе, инициативу. Сперанскій писалъ всѣ проекты по министерству, которые имѣли большое значеніе и успѣхъ. Онъ же составлялъ всѣ отчеты, подносимые государю,) и эти отчеты впервые тогда стали печататься, что составляло само по себѣ важную новость, а своимъ содержаніемъ эти отчеты оказывали вліяніе на ходъ управленія, на общественное мнѣніе. Важною новостью было также учрежденіе оффиціальнаго журнала, который подъ названіемъ *С.-Петербургскаго* сталъ издаваться подъ руководствомъ Сперанскаго же.

(Опираясь въ своемъ министерствѣ на творческую работу Сперанскаго, Кочубей и не думалъ скрывать важности его заслугъ, не старался затѣнить ихъ. Въ 1806 году Кочубей нерѣдко хворалъ и поручилъ доклады у государя Сперанскому. Еще до того императоръ Александръ, случалось, давалъ Сперанскому особыя порученія, внѣ его

прямой должности, по званію статсъ-секретаря. Теперь же на докладахъ государь былъ совершенно очарованъ свѣтлымъ умомъ Сперанскаго, на котораго стали постоянно возлагаться различныя порученія.

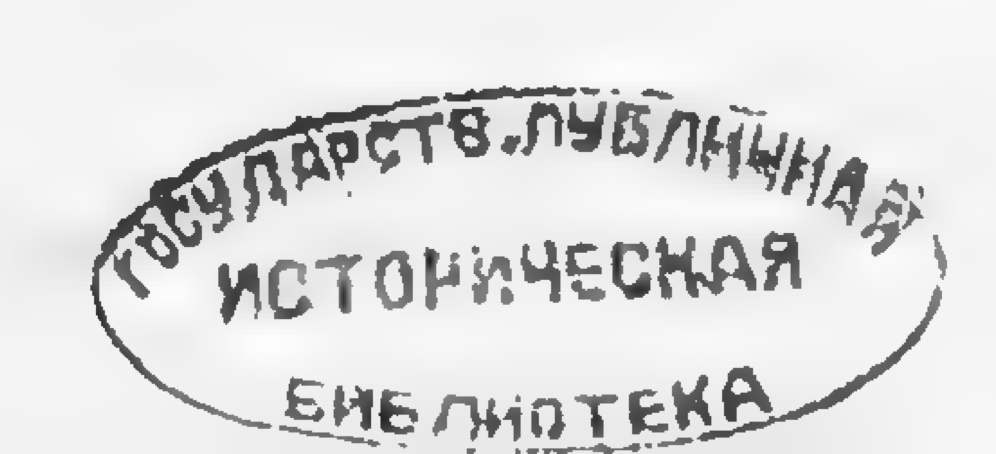
Императоръ Александръ, остававшійся еще вѣрнымъ своему либеральному образу мыслей, преисполненный желаніемъ положить твердыя основанія для благоденствія отечества, именно въ это время нуждался въ такомъ сотрудникѣ, какимъ былъ Сперанскій. Обстоятельства сложились такъ, что около государя въ составѣ высшихъ правительственныхъ лицъ уже не было его друзей, членовъ «комитета общественнаго спасенія». Исполнителемъ реформаторскихъ плановъ Александра, ихъ выразителемъ теперь и является Сперанскій. Его быстрый организаторскій умъ могъ всегда представить всѣ трудности легкими, всѣ препятствія одолимыми, и онъ своими докладами ободрялъ государя къ проведенію задуманныхъ преобразованій. Обаятельно краснорѣчивый, неутомимо дѣятельный съ широкими и разносторонними познаніями, съ большимъ служебнымъ и жизненнымъ опытомъ, самъ проникнутый убѣжденіемъ въ необходимости перемѣнъ, Сперанскій вполнѣ отвѣчалъ тѣмъ стремленіямъ, которыми былъ тогда проникнутъ Александръ I, являлся при немъ не только исполнителемъ его плановъ, но и вносилъ въ ихъ развитіе творческую работу своей мысли.

Въ 1808 году государь взялъ съ собой Сперанскаго за границу, отправляясь въ Эрфуртъ для свиданія съ Наполеономъ. Объ этомъ путешествіи сохранилось нѣсколько разсказовъ, касающихся Сперанскаго. Такъ, преданіе го-

ворить, будто Наполеонъ подолгу бесѣдовалъ со Сперанскимъ и до того былъ восхищенъ его умомъ, что сказалъ Александру: «Не угодно ли вамъ будетъ, государь, промѣнять этого человѣка на какое-нибудь королевство?» Хотя есть всѣ основанія считать, что эта фраза вовсе не была произнесена Наполеономъ, но появленіе самаго преданія характерно и показываетъ, что среди современниковъ существовало очень высокое мнѣніе о дарованіяхъ Сперанскаго. Другое преданіе говоритъ, что Александръ за время путешествія спросилъ своего статсъ-секретаря: «Какъ нравится тебѣ за границею?» Сперанскій отвѣчалъ: «У насъ люди лучше, но здѣсь лучше установленія». На это государь замѣтилъ: «Это и моя мысль; мы еще поговоримъ о томъ, когда воротимся». Въ этомъ преданіи отразился несомнѣнный фактъ: ко времени послѣ эрфуртскаго свиданія относится составленіе Сперанскимъ плана общей политической реформы. Не надо, впрочемъ, преувеличивать значеніе того вліянія, какое могла имѣть на Сперанскаго поѣздка за границу, того вліянія, какое оказало на него и на Александра свиданіе съ Наполеономъ. Задуманныя реформы были завершеніемъ многихъ мѣръ, принятыхъ уже ранѣе, основывались на соображеніяхъ, давно обдуманныхъ и установленныхъ. Позднѣе Сперанскій писалъ объ этомъ: «Изъ всѣхъ упражненій, изъ стократныхъ, можетъ-быть, разговоровъ и разсужденій вашего величества надлежало, наконецъ, составить одно цѣлое. Отсюда произошелъ планъ всеобщаго государственнаго образованія. Въ существѣ своемъ онъ не содержалъ ничего новаго, но идеямъ, съ 1801 года занимавшимъ

ваше вниманіе, дано въ немъ систематическое расположеніе. Весь разумъ сего плана состоялъ въ томъ, чтобы посредствомъ законовъ утвердить власть правительства на началахъ постоянныхъ и тѣмъ самымъ сообщить дѣйствію власти болѣе достоинства и истинной силы».

Изъ общаго задуманнаго плана были приведены въ дѣйствіе только преобразованія государственнаго совѣта и министерствъ, причемъ и эти преобразованія были неполныя, ждали для своего завершенія необходимыхъ общихъ измѣненій. Однако и въ неполномъ видѣ новыя учрежденія показывали значеніе основныхъ принциповъ, на которыхъ они покоились. Въ манифестѣ 1-го января 1810 г. о новомъ образованіи государственнаго совѣта указывалось, что весь историческій смыслъ усовершенствованій, которыя были проведены въ разное время въ Россіи, состоялъ въ томъ, чтобы «по мѣрѣ просвѣщенія и расширенія общественныхъ дѣлъ учреждать постепенно образъ управленія на твердыхъ и непремѣняемыхъ основаніяхъ закона». Законы гражданскіе, сколько бы они ни были совершенны, безъ государственныхъ установленій не могутъ быть тверды. Поэтому и рѣшено дать государственному совѣту «образованіе, свойственное публичнымъ установленіямъ». Въ порядкѣ государственныхъ установленій совѣтъ составляетъ сословіе, въ коемъ сосредоточиваются всѣ законодательныя дѣла. Манифестъ указываетъ, между прочимъ, что положеніе государственныхъ доходовъ и расходовъ требуетъ неукоснительнаго разсмотрѣнія и опредѣленія. Первое отдѣленіе образованія названо было: «Коренные законы» государственнаго со-

вѣта. Второе отдѣленіе, озаглавленное «Особенныя учрежденія», заканчивалось § 144-мъ, гласившимъ, что эти особыя учрежденія могутъ измѣняться и дополняться только на основаніи коренныхъ законовъ совѣта, т. е. не иначе, какъ по разсмотрѣніи въ совѣтѣ. 1-го января, въ 9 час. утра, высшіе сановники, призванные въ составъ преобразованнаго государственнаго совѣта явились во дворецъ, и императоръ Александръ открылъ первое засѣданіе рѣчью, которая была также сочинена Сперанскимъ, подобно и рѣчи на сеймѣ въ Борго. Императоръ Александръ говорилъ: «Какимъ образомъ въ государствѣ, столь обширномъ, разныя части управленія могутъ идти съ стройностью и съ успѣхомъ, когда каждая движется по своему направленію, и направленія сіи нигдѣ не приводятся къ единству? Одно личное дѣйствіе власти въ великомъ разнообразіи дѣлъ государственныхъ не можетъ сохранить сего единства. Сверхъ сего, лица умираютъ; одни установленія живутъ и въ теченіе вѣковъ охраняютъ основанія государства. Всѣ благонамѣренные люди давно уже чувствовали сіи истины».

Не буду останавливаться на подробностяхъ совершеннаго преобразованія и на послѣдовавшемъ затѣмъ измѣненіи въ учрежденіи министерствъ, на проектѣ преобразованія сената. Всѣ эти мѣры, образованіе государственнаго совѣта и сената, какъ сословій, утвержденіе ихъ на «коренныхъ законахъ», стремленіе установить отвѣтственность министровъ, все это должно было быть объединено общимъ преобразованіемъ государственныхъ установленій. Отдѣльныя реформы, предпринятыя въ виду необходимости

подготовить дѣло, были связаны одной мыслью. Пока общая реформа не была осуществлена, эти подготовительныя преобразованія не могли быть проведены въ жизнь въ полномъ видѣ, не имѣли законченнаго характера. Впослѣдствіи Сперанскій писалъ императору Александру объ этомъ: «Блистательнѣе, можетъ-быть, было бы всѣ установленія сего плана, пріуготовивъ вдругъ, открыть единовременно: тогда они явились бы всѣ въ своемъ размѣрѣ и стройности и не произвели бы никакого въ дѣлахъ смѣшенія. Но ваше величество предпочли твердость сему блеску и признали лучшимъ терпѣть на время укоризну смѣшенія... Не зная плана правительства, судили намѣренія его по отрывкамъ, порицали то, чего еще не знали, и, не видя точной цѣли и конца перемѣнъ, устрашились вредныхъ уновленій». Сперанскій желалъ въ то время скорѣе довершить начатое дѣло и предлагалъ опредѣлить срокъ для полнаго преобразованія—1811 г. «Если Богъ благословитъ всѣ сіи начинанія,—писалъ онъ въ докладной запискѣ, —то къ концу десятилѣтія настоящаго царствованія Россія воспріиметъ новое бытіе и совершенно во всѣхъ частяхъ преобразится»... Но императоръ Александръ медлилъ завершеніемъ реформы. Прошелъ 1811 г., насталъ 1812 г. и принесъ съ собою паденіе Сперанскаго. Планъ государственнаго преобразованія, изготовленный имъ еще въ 1809 г. и одобренный императоромъ, такъ и не былъ приведенъ въ исполненіе. Военная гроза и дѣла Европы отвлекли Александра I отъ преобразованій и вообще отъ дѣлъ внутренняго управленія, которое и перешло въ руки Аркачеева. Въ книгѣ Шильдера напе-

чатаны теперь подробныя извлеченія изъ подлиннаго плана государственнаго образованія Сперанскаго, а въ *Историческомъ Обозрѣніи*—подлинный текстъ, хотя и не всего проекта.

Приведемъ здѣсь рядъ выдержекъ изъ объясненій Сперанскаго къ его проекту. «Царства земныя имѣютъ свои эпохи величія и упадка, и въ каждой эпохѣ образъ правленія долженъ быть соразмѣренъ той степени гражданскаго образованія, на коей стоитъ государство. Каждый разъ, когда образъ правленія отстаетъ или предваряетъ сію степень, онъ ниспровергается съ большимъ или меньшимъ потрясеніемъ... Итакъ, время есть первое начало и источникъ политическихъ обновленій. Никакое правительство, съ духомъ времени не сообразное, противъ всемощнаго его дѣйствія устоять не можетъ». Указавъ затѣмъ на перемѣны государственнаго строя въ Англіи, Швейцаріи, Голландіи, Швеціи, Венгріи, Соединенныхъ Американскихъ областяхъ, Франціи, Сперанскій говоритъ: «Во всѣхъ сихъ превращеніяхъ время и состояніе гражданскаго образованія были главнымъ дѣйствующимъ началомъ. Тщетно власть державная силилась удержать его напряженіе; сопротивленіе ея воспаляло только страсти, произвело волненіе, но не остановило перелома. Сколько бѣдствій, сколько крови можно бы было сберечь, если бы правители державъ, точнѣе наблюдая движеніе общественнаго духа, сообразовались ему въ началахъ политическихъ системъ и не народъ приспособляли къ правленію, но правленіе къ состоянію народа. Какое, впрочемъ, противорѣчіе: желать наукъ, коммерціи и промышленности и не

допускать самыхъ естественныхъ ихъ послѣдствій; желать, чтобы разумъ былъ свободенъ, а воля—въ цѣпяхъ; чтобы страсти двигались и перемѣнялись, а предметы ихъ, желанія свободы оставались бы въ одномъ положеніи; чтобы народъ обогащался и не пользовался бы лучшими плодами своего обогащенія,—свободою! Нѣтъ въ исторіи примѣра, чтобы народъ просвѣщенный и коммерческій могъ долго въ рабствѣ оставаться». Отсюда понятно заключеніе относительно русской исторіи: «Петръ Великій во внѣшнихъ формахъ правленія ничего рѣшительнаго не установилъ въ пользу политической свободы; но онъ отверзъ ей двери тѣмъ самымъ, что открылъ входъ наукамъ и торговлѣ». Начала, положенныя Петромъ, быстро усиливались. Уже при Аннѣ Ивановнѣ была сдѣлана попытка къ ограниченію ея власти; но это было еще слишкомъ рано. Вѣкъ Елизаветы «тщетно протекъ для славы государства и для политической его свободы. Между тѣмъ, однако же, сѣмена свободы, въ промышленности и торговлѣ сокровенныя, возрастали безпрестанно». Но и попытка Екатерины II съ созывомъ Большой Коммиссіи Законовъ оказалась еще преждевременной, а позднѣе взгляды и намѣренія Екатерины II измѣнились. Теперь,— т. е. въ концѣ перваго десятилѣтія прошлаго вѣка,— время созрѣло для реформы. Это видно изъ перемѣны въ предметахъ народнаго уваженія: чины и почести потеряли свое очарованіе; «основаніе сему очевидно: когда разумъ начинаетъ распознавать цѣну свободы, онъ отметаетъ съ пренебреженіемъ всѣ дѣтскія, такъ-сказать, игрушки, коими забавлялся онъ въ своемъ младенчествѣ». Далѣе,—

замѣчается ослабленіе власти: «Съ горестью, но съ достовѣрностью можно сказать, что въ настоящемъ положеніи всѣ мѣры правительства, требующія не физическаго, но моральнаго повиновенія, не могутъ имѣть дѣйствія. Тщетно ищутъ изъясненія сего изъ личныхъ свойствъ министровъ. Сравнивая одни пороки съ другими, перевѣсъ, безъ сомнѣнія, будетъ на временахъ протекшихъ. Одна есть истинная сему причина: образъ мыслей настоящаго времени въ совершенной противоположности съ образомъ правленія». Положеніе дѣлъ таково, что частныя исправленія невозможны. «Всѣ жалуются на запутанность и смѣшеніе гражданскихъ нашихъ законовъ. Но какимъ образомъ можно поправить и установить ихъ безъ твердыхъ законовъ государственныхъ? Къ чему законы, распредѣляющіе собственность между частными людьми, когда собственность сія ни въ какомъ предположеніи не имѣетъ твердаго основанія? Къ чему гражданскіе законы, когда скрижали ихъ каждый день могутъ быть разбиты о первый камень самовластія? Жалуются на запутанность финансовъ: но какъ устроить финансы тамъ, гдѣ нѣтъ общаго довѣрія, гдѣ нѣтъ публичнаго установленія, порядокъ ихъ охраняющаго? Жалуются на медленность успѣховъ просвѣщенія и разныхъ частей промышленности. Но гдѣ начало, ихъ животворящее? Къ чему послужитъ народу просвѣщеніе? Къ тому только, чтобы яснѣе обозрѣлъ онъ всю горесть своего положенія?»

Вотъ основанія, изъ которыхъ выходилъ Сперанскій въ своемъ планѣ государственнаго преобразованія.

Въ мотивахъ къ своему проекту государственнаго пре-

образованія, напечатанному теперь во II томѣ исторіи Шильдера и X томѣ *Историческаго Обозрѣнія*, Сперанскій, какъ мы видѣли, указываетъ на несомнѣнные признаки того, что заложенное Петромъ Великимъ зданіе просвѣщенія и промышленности выросло настолько, что духъ времени уже требовалъ перемѣны въ государственномъ устройствѣ. Авторъ проекта дѣлаетъ еще предварительныя замѣчанія «объ общемъ разумѣ преобразованія». Онъ говоритъ: «Общій предметъ преобразованія состоитъ въ томъ, чтобы правленіе, доселѣ самодержавное, постановить и учредить на непремѣняемомъ законѣ. Нельзя основать правленіе на законѣ, если одна державная власть будетъ составлять законъ и исполнять его. Отсюда—необходимость установленій, дѣйствующихъ въ составленіи закона и въ его исполненіи. Изъ троякаго порядка государственныхъ силъ возникаетъ трoякій порядокъ сихъ установленій. Одно изъ нихъ должно дѣйствовать въ образованіи закона, другое—въ исполненіи, третье въ части судной».

Преобразованіе можетъ быть совершено въ двухъ различныхъ видахъ; здѣсь возможны два различныхъ устройства. «Первое состоитъ въ томъ, чтобы облечь правленіе самодержавное всѣми, такъ сказать, внѣшними формами закона, оставивъ въ существѣ его ту же силу и тоже пространство самодержавія. Второе устройство состоитъ въ томъ, чтобы не внѣшними только формами покрыть самодержавіе, но ограничить его внутреннею и существенною силой установленій и учредить державную власть на законѣ не словами только, но самымъ дѣломъ»

Сперанскій указываетъ основныя черты того и другаго установленія. Если желать перваго способа, т. е. только кажущейся, только видимой перемѣны, то слѣдуетъ «установить сословіе, которое бы представляло силу законодательную свободную, но на самомъ дѣлѣ было бы подъ вліяніемъ и въ совершенной зависимости отъ власти самодержавной; силу исполнительную такъ учредить, чтобы она по выраженію закона состояла въ отвѣтственности, но по разуму его была бы совершенно независима; власти судной дать всѣ преимущества видимой свободы, но связать ее на самомъ дѣлѣ такими учрежденіями, чтобы она въ существѣ своемъ всегда состояла во власти самодержавной». Совсѣмъ иное направленіе преобразованій должно быть для достиженія втораго устройства: «Законодательное сословіе должно быть такъ устроено, чтобы оно не могло совершать своихъ положеній безъ державной власти, но чтобы мнѣнія его были свободны и выражали бы собой мнѣніе народное; сословіе судебное должно быть такъ образовано, чтобы въ бытіи своемъ оно зависѣло отъ свободнаго выбора, и одинъ только надзоръ формъ судебныхъ и охраненіе общей безопасности принадлежало правительству; власть исполнительная должна быть вся исключительно ввѣрена правительству; но поелику власть сія распоряженіями своими подъ видомъ исполненія законовъ не только могла бы обезобразить ихъ, но и совсѣмъ уничтожить, то и должно поставить ее въ отвѣтственности власти законодательной».

Сперанскій самымъ рѣшительнымъ образомъ высказывается за вторую систему преобразованія: «Первая изъ

нихъ имѣетъ только видъ закона, а другая—самое существо его; первая подъ предлогомъ единства державной власти вводитъ совершенное самовластіе, а другая ищетъ въ самомъ дѣлѣ ограничить его и умѣрить; первая издалека готовитъ сама себѣ прекращеніе, а другая при благопріятныхъ обстоятельствахъ можетъ утвердиться, долгое время безъ важныхъ перемѣнъ постепенно слѣдовать за гражданскимъ усовершеніемъ».

Не останавливаясь на подробностяхъ, укажу, что по плану Сперанскаго державная власть и совѣтъ при ней признаются неотвѣтственными, но исполнительная власть, министры, отвѣтственны: они несутъ отвѣтственность за все ими контрасигнованное, почему подписаніе или неподписаніе ими актовъ всегда должно быть совершенно свободно. Указавъ на совершенную необходимость отвѣтственности министровъ, Сперанскій говоритъ, что для ея осуществленія возлагалась надежда на сенатъ, но эта надежда не оправдалась и не могла оправдаться. «Бытіе политическое образуется не словами, а внутреннимъ началомъ, изъ коего составъ его слагается. Никогда мѣсто, по существу своему исполнительное и во всѣхъ отношеніяхъ отъ произволенія державной власти зависящее, не можетъ на себя принять характера политическаго, не можетъ замѣнить сословіе государственное, составленное посредствомъ народнаго представленія. Такимъ образомъ, отвѣтственность министерская не могла у насъ досѣлѣ существовать, и если бы сами министры утвердить ее пожелали, они не могли бы въ семъ успѣть, ибо гдѣ законъ самъ не стоитъ на твердомъ основаніи, тамъ и

отвѣчать передъ ними нельзя». Въ судной части за правительствомъ остается только надзоръ и охраненіе формъ судебныхъ, а самое производство суда передается выборнымъ судьямъ. Не останавливаясь также на системѣ личныхъ правъ, укажу только общія положенія: Безъ суда никто не можетъ быть наказанъ. Никто не обязанъ отправлять личную службу иначе, какъ по закону, а не по произволу другаго. Всѣмъ предоставляется право распоряжаться своею собственностью, никто не обязанъ исполнять повинности иначе, какъ по закону или по условію, а не по произволу другого. Такимъ образомъ, здѣсь выражено начало ограниченія крѣпостного права.

По плану Сперанскаго, каждые три года происходитъ въ каждой волости собраніе волостной Думы, состоящей изъ всѣхъ владѣльцевъ недвижимой собственности, изъ старшинъ отъ каждаго пятисотнаго участка казенныхъ селеній. Волостная Дума избираетъ волостное Правленіе и производитъ учетъ его, избираетъ депутатовъ въ окружную Думу и представляетъ послѣдней объ общественныхъ волостныхъ нуждахъ. Изъ волостныхъ депутатовъ составляется окружная Дума, которая избираетъ членовъ окружного Совѣта, разсматриваетъ отчетъ объ общественныхъ расходахъ по округу, избираетъ членовъ окружного суда, дѣлаетъ представленія объ общественныхъ нуждахъ и избираетъ депутатовъ въ губернскую Думу. Губернская Дума избираетъ членовъ губернскаго совѣта и губернскаго суда, разсматриваетъ отчеты въ общественныхъ суммахъ, на губернскія общественныя нужды собираемыхъ; она избираетъ депутатовъ въ госу-

дарственную Думу и дѣлаетъ ей представленія объ общественныхъ нуждахъ. Государственная Дума, составляющаяся изъ губернскихъ депутатовъ, есть мѣсто, равное министерствамъ и сенату, и собирается ежегодно безъ всякаго созыва въ сентябрѣ мѣсяцѣ. Чрезъ Думу проходятъ всѣ проекты законовъ, составленные правительствомъ, но Дума и сама имѣетъ право представленія о государственныхъ нуждахъ, представленія объ уклоненіи объ отвѣтственности и о нарушеніи государственныхъ коренныхъ законовъ. Между государемъ и государственной Думой стоитъ государственный совѣтъ, который имѣетъ только совѣщательное значеніе, составляется по назначенію государя, но обставленъ, какъ особое «сословіе», коренными законами.

Таковъ въ общихъ чертахъ планъ государственнаго преобразованія, составленный Сперанскимъ при одобреніи и сочувствіи императора Александра. Сперанскій имѣлъ полнѣйшее право сказать потомъ, что его планъ не содержалъ въ себѣ по существу ничего такого, чего бы не желалъ государь со времени самаго вступленія своего на престолъ, чего бы онъ многократно не высказывалъ. Но планъ реформы, готовый и предварительно одобренный, не былъ приведенъ въ исполненіе, а самъ Сперанскій подвергся опалѣ и ссылкѣ.

Исторія паденія Сперанскаго въ настоящее время выяснена настолько, чтобы понимать ея общее значеніе въ ходѣ событій времени, но въ ней все-таки не все еще вполнѣ понятно. Шильдеръ, много сдѣлавшій для выясненія характера императора Александра, указалъ и

на прямую связь паденія Сперанскаго съ измѣнчивостью настроеній государя, съ его нерѣшительностью и уклончивостью.) По словамъ біографа, «Александръ поступилъ согласно усвоенному имъ въ рѣшительныя минуты образу дѣйствій: оставлять многое въ сомнѣніи, въ неопредѣленности, а затѣмъ внезапнымъ рѣшеніемъ въ противоположномъ духѣ и направленіи приводить всѣхъ въ недоумѣніе». Одною изъ главныхъ причинъ паденія Сперанскаго была его неосторожность: онъ позволилъ себѣ нѣкоторые отзывы о государѣ, которому это было передано въ преувеличенномъ видѣ. Сперанскому со стороны двухъ вельможъ было сдѣлано предложеніе образовать тайный, негласный комитетъ, который бы старался управлять всѣми дѣлами въ своихъ видахъ, помимо государя. Сперанскій отвергъ это предложеніе, но, по «гадливому отвращенію отъ доноса», онъ ничего не сообщилъ объ этомъ государю, и это обстоятельство было доведено до свѣдѣнія государя опять-таки въ прикрашенномъ видѣ, во враждебномъ для Сперанскаго духѣ. Охлажденіе императора Александра къ Сперанскому какъ разъ совпало съ направленною противъ статсъ-секретаря интригой: послѣднюю энергично вели многочисленные враги Сперанскаго. Бѣдный семинаристъ, возвысившись на первую степень въ государствѣ, не могъ не вызвать вокругъ множества недоброжелательства и зависти. Возвышеніе лицъ низменнаго происхожденія само по себѣ не было у насъ исключительною рѣдкостью, но въ данномъ случаѣ была та особенность, что возвышеніе основывалось исключительно на дарованіяхъ и заслугахъ се-

минариста, который и не думалъ искать себѣ поддержки въ личныхъ связяхъ со знатью. Женившись на англичанкѣ, не имѣвшей ни богатства, ни связей, и вскорѣ овдовѣвъ, Сперанскій оставался вѣренъ памяти горячо любимой жены и не принималъ предложеній родственнаго союза со знатными семьями, не разъ ему дѣлавшихся; между тѣмъ подобный союзъ укрѣпилъ бы положеніе Сперанскаго, и онъ самъ впослѣдствіи говорилъ, что женитьбой на знатной дѣвушкѣ онъ предупредилъ бы свое паденіе. Сперанскій не только отказывался отъ родственныхъ связей, но и вообще, очень ласковый и обходительный со всѣми, чуждый высокомѣрія, онъ не искалъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, поддержки въ личныхъ отношеніяхъ, разсчитывая только на себя и на правоту своихъ стремленій. Пришла бѣда, и Сперанскій оказался одинокимъ; его свалили соединившіеся враги, настроенные противъ него или по личнымъ соображеніямъ, или же за его дѣятельность, за ея направленіе, за мѣры, имъ проведенныя. Въ настоящее время, послѣ того, что мы теперь знаемъ объ этомъ дѣлѣ, послѣ обнародованія писемъ Александра къ Сперанскому и оправдательныхъ писемъ самого Сперанскаго, наконецъ, просто въ виду дальнѣйшей судьбы Сперанскаго не можетъ быть и рѣчи не только объ его измѣнѣ, но даже о томъ, чтобы Александръ когда-нибудь могъ имѣть тѣнь подозрѣнія въ этомъ отношеніи. А между тѣмъ въ 1812 г. Сперанскаго считали измѣнникомъ, и въ Нижнемъ, и въ Перми онъ возбуждалъ противъ себя негодованіе, а Ростопчинъ, замѣшанный въ самомъ паденіи Сперанскаго и продол-

жавшій возбуждать противъ него Александра, писалъ въ Нижній графу Толстому, предлагая прислать Сперанскаго въ Москву: вѣроятно, онъ устроилъ бы съ бывшимъ статсъ-секретаремъ такую же расправу, отъ какой погибъ невинный Верещагинъ.

Сперанскій былъ неожиданно отправленъ ночью изъ Петербурга въ Нижній. Его везли по тихвинской глухой дорогѣ. Со словъ самого Сперанскаго Пушкинъ передаетъ забавный анекдотъ: «Ему данъ былъ въ провожатые полицейскій чиновникъ, человѣкъ добрый и глупый. На одной станціи не давали ему лошадей; чиновникъ пришелъ просить покровительства у своего арестанта. Ваше превосходительство! Помилуйте! Заступитесь великодушно: эти канальи лошадей намъ не даютъ!» Изъ Нижняго Сперанскій, по поводу доноса объ его разговорахъ, былъ высланъ въ Пермь, оттуда ему дозволено было переѣхать въ его новгородское имѣніе. Чтобы выйти изъ положенія ссыльнаго, Сперанскій долженъ былъ обратиться къ помощи всесильнаго тогда Аракчеева и ѣздилъ къ нему въ его знаменитое Грузино. Аракчеевъ устроилъ возвращеніе Сперанскаго на службу: онъ былъ назначенъ пензенскимъ губернаторомъ, но безъ права заѣхать въ Петербургъ. Здѣсь Сперанскій прослужилъ болѣе двухъ лѣтъ. Онъ сталъ проситься въ отпускъ для пріѣзда въ Петербургъ. Разрѣшеніе опять не было дано: вмѣсто того Сперанскій былъ назначенъ сибирскимъ генералъ-губернаторомъ, куда долженъ былъ ѣхать немедленно Если своимъ управленіемъ Пермскою губерніей Сперанскій навсегда оставилъ тамъ по себѣ добрую память, то тѣмъ важнѣе

была его дѣятельность въ Сибири, которая никогда не пользовалась хорошимъ управленіемъ, а въ послѣдніе годы передъ тѣмъ страдала подъ возмутительнымъ самовластіемъ генералъ-губернатора Пестеля и губернатора Трескина. Для характеристики ихъ управленія приведу одинъ случай. Трескинъ по личнымъ счетамъ уволилъ одного чиновника и далъ ему подорожную, въ которой оговорилъ, чтобы его нигдѣ въ Сибири не держали долѣе нѣсколькихъ дней въ одномъ мѣстѣ, а Пестель, не только утвердилъ это распоряженіе, но и дополнилъ его, велѣвъ, чтобы этого чиновника не выпускали изъ Сибири. Такимъ образомъ, они хотѣли изъ непріятнаго имъ человѣка сдѣлать вѣчнаго странника. Вотъ въ эту-то страну дикаго произвола взятокъ и грабежей явился Сперанскій, облеченный широкою властью. Онъ началъ съ полной ревизіи всего управленія. Сперанскій былъ всегда человѣкъ мягкій и снисходительный, думалъ, что во всемъ виноваты больше учрежденія, чѣмъ люди, понимавшій, что въ данномъ случаѣ злоупотребленія были освящены долгимъ попустительствомъ, и потому онъ отнесся къ отдѣльнымъ чиновникамъ по возможности очень снисходительно. И все-же послѣ ревизіи оказалось 73 дѣла, слѣдовавшія къ высшему разсмотрѣнію, съ 680 обвиняемыми, съ начетомъ почти въ три милліона. Иркутскій и томскій губернаторы были устранены отъ должностей и преданы суду. Ревизія вскрыла картину невѣроятныхъ злоупотребленій и вымогательствъ, произвела сильное впечатлѣніе. Дѣятельность Сперанскаго въ Сибири составила эпоху для этой страны.

Только въ 1821 г. Сперанскій послѣ девятилѣтняго отсутствія вернулся въ Петербургъ. Но онъ уже не вернулся къ прежнему вліянію на ходъ дѣлъ. Онъ провелъ рядъ проектовъ относительно Сибири, ему было поручено опять заняться разработкой Уложенія, но теперь уже было не время широкихъ реформъ, не было у Александра даже вкуса къ занятію внутренними дѣлами, а къ Сперанскому онъ относился очень сдержанно. Самымъ близкимъ человѣкомъ къ Александру былъ и управлялъ Россіей Аракчеевъ. Къ его заступничеству долженъ былъ, какъ мы видѣли, обращаться Сперанскій-ссыльный, съ нимъ долженъ былъ ладить онъ и по возвращеніи. Послѣ ссылки, столь для него тягостной, вернувшись опять къ болѣе важнымъ государственнымъ дѣламъ, Сперанскій сталъ вести себя теперь иначе, чѣмъ прежде: онъ старался утвердить свое положеніе личными отношеніями, шелъ на уступки. Въ литературѣ, какъ это было и среди современниковъ, приходится встрѣчать иногда упреки поведенію Сперанскаго въ эти годы. Для объясненія истиннаго значенія его дѣйствій послѣ возвращенія изъ Сибири приведу отрывокъ изъ воспоминаній Батенькова, о которыхъ было уже упомянуто въ началѣ. Батеньковъ, впослѣдствіи декабристъ, служилъ при Сперанскомъ въ Сибири, а затѣмъ вмѣстѣ съ нимъ вернулся въ Петербургъ и продолжалъ работать подъ его руководствомъ. Между прочимъ, Сперанскій, не могшій дѣйствовать прямо противъ Аракчеева и противъ его распоряженій по военнымъ поселеніямъ, добивался составленія для военныхъ поселеній особаго уложенія, для чего и была образована

коммиссія; такъ какъ Сперанскій не былъ знакомъ съ военными уставами, то онъ и назначилъ отъ себя въ эту коммиссію Батенькова, бывшаго военнаго. Благодаря этому Батеньковъ хорошо зналъ и Сперанскаго, и Аракчеева. Привожу изъ его воспоминаній то, что онъ сообщаетъ о Сперанскомъ: «Его всѣ считаютъ,—разсказывалъ Батеньковъ,—честолюбивымъ человѣкомъ, между тѣмъ въ немъ не было и тѣни честолюбія. Это мнѣніе основано на его жизни по возвращеніи изъ ссылки. Но забываютъ, что эта ссылка продолжалась и въ Петербургѣ, что ему нельзя уже было здѣсь дѣйствовать,—у него по прежнему были скованы руки, а потребность дѣйствовать страшная,—и, разумѣется, онъ принужденъ былъ дѣлать уступки. За убѣжденія свои онъ готовъ былъ идти и въ ссылку, и въ каторжную работу, и на плаху. Онъ ничего не боялся, и ежели вы видите въ немъ потомъ совсѣмъ другого человѣка, то это не потому, что онъ дѣйствовалъ изъ страха, а потому, что видѣлъ что не можетъ дѣйствовать, не сдѣлавъ уступокъ.» Враговъ у него было много. Я помню, разъ у меня съ нимъ зашелъ разговоръ о возможности ссылки. «Ну, что же, надѣнутъ колодки и поведутъ,—сказалъ онъ.—Что за важная вещь колодки, да онѣ всего стоятъ два съ полтиной,—чего же ихъ бояться?» Вы, вѣроятно, знаете, что главной причиной гоненія противъ него было то, что онъ былъ поповичъ:—всѣхъ ужасно оскорбляло, что поповичъ имѣетъ такое вліяніе на государственныя дѣла,—но вы, можетъ-быть, не знаете, какое уваженіе имѣли къ его характеру и уму. Когда его вернули изъ

Сибири, то къ нему пріѣхали тотчасъ же всѣ посланники, весь дипломатическій корпусъ. И точно, онъ былъ неизмѣримо выше всѣхъ своихъ современниковъ и по характеру, и по уму. Сколько мученій онъ долженъ былъ вынести, когда разсматривали проектъ Уложенія въ совѣтѣ! Ежели по части законодательства есть его трудъ, такъ это—не Сводъ, а Уложеніе. Помню, я разъ дожидался у него его пріѣзда. Онъ былъ въ государственномъ совѣтѣ и пріѣхалъ оттуда позднѣе обыкновеннаго и чрезвычайно весел. «Ужъ какъ я сегодня счастливъ,— сказалъ онъ мнѣ,—и представить нельзя! Вотъ уже сколько времени разсматривается Уложеніе, а до сегодняшняго дня я не слыхалъ въ государственномъ совѣтѣ почти ни отъ кого никакого мнѣнія и никакъ не могъ добиться, чтобы они что-нибудь сказали. Прочтешь параграфъ, спросишь мнѣніе, и они всѣ отвѣчаютъ: «Какъ вамъ угодно». Я и говорилъ имъ, что это—законъ для Россіи, такъ дѣло не въ томъ, угоденъ ли онъ мнѣ, а въ томъ, нуженъ ли онъ для государства, но меня никто и слушать не хочетъ, все отвѣчаютъ: «Какъ вамъ угодно». Что ты будешь съ ними дѣлать? Сегодня я сказалъ имъ такой вздоръ, что со мной уже невозможно было согласиться. Да ужъ и боялся же я, чтобы они не сказали: «Какъ вамъ угодно». Пропалъ бы я совсѣмъ, если бы они согласились, но, слава Богу, заспорили. Можетъ-быть, этотъ споръ ихъ расшевелитъ и на будущее время».

Въ царствованіе Николая I Сперанскій оставался вліятельнымъ членомъ государственнаго совѣта и выполнилъ

два замѣчательныхъ труда: составилъ «Сводъ Законовъ Россійской имперіи»,—работа, конечно, другаго характера, чѣмъ прежнія его законодательныя работы, но огромная по своему объему и по массѣ затраченнаго труда, и издалъ «Полное Собраніе Законовъ», которое и до сихъ поръ, хотя съ того времени у насъ столько сдѣлано по изданію памятниковъ, поражаетъ своею полнотой и систематичностью и опять-таки тѣмъ трудомъ, какого это изданіе потребовало отъ своего редактора. Упомянемъ еще, что незадолго уже до своей кончины Сперанскій былъ назначенъ преподавателемъ законовѣдѣнія къ наслѣднику цесаревичу, великому князю Александру Николаевичу. Излагая ему государственное право, онъ такъ опредѣлялъ самодержавную власть: «Слово неограниченность власти означаетъ то, что никакая другая власть, правильная и законная, ни внѣ, ни внутри имперіи не можетъ положить предѣловъ верховной власти россійскаго самодержца. Но предѣлы власти, имъ самимъ постановленные—извнѣ государственными договорами, внутри—словомъ императорскимъ, суть и должны быть для него священны. Всякое право, а слѣдовательно, и право самодержца, потолику есть право, поколику оно основано на правдѣ. Тамъ, гдѣ кончается правда и начинается неправда, кончается право и начинается самовластіе». Эти слова сильно отличаются отъ общаго плана 1809 г., но и въ нихъ сказываются до извѣстной степени тѣ же основныя убѣжденія.

Сперанскій былъ человѣкъ творческаго ума, геніальныхъ способностей; онъ обладалъ солидными и разнооб-

разными по своему времени научными знаніями; онъ отличался твердымъ характеромъ и непреодолимымъ трудолюбіемъ. Эти качества сдѣлали изъ Сперанскаго не только самаго выдающагося государственнаго дѣятеля своего времени, но и доставили ему одно изъ первыхъ мѣстъ въ исторіи государственнаго управленія, безпорно, первое мѣсто въ ряду его предшественниковъ и преемниковъ въ исторіи русскаго законодательства и администраціи. Дѣятельность Сперанскаго распадается на нѣсколько періодовъ, и всегда онъ, при всѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, исполняетъ принятую задачу въ возможномъ совершенствѣ. Его управленіе Сибирью, его дѣятельность при Николаѣ I, создавшая и Сводъ, и Полное Собраніе Законовъ, его работы въ области финансовъ,—всего этого въ отдѣльности было бы достаточно, чтобы прославить имя, полученное имъ при поступленіи въ семинарію. Но значеніе этихъ заслугъ затѣняется дѣятельностью его въ 1807—1812 гг. Составленный Сперанскимъ планъ общаго преобразованія не былъ исполненъ, изъ него осуществлены были только отрывки, утратившіе отъ этого свой смыслъ, но одного составленія проекта достаточно для того, чтобы признать имя Сперанскаго однимъ изъ самыхъ славныхъ въ русской исторіи. Онъ былъ геніемъ блага «дней Александровыхъ прекраснаго начала». Судьба съ жестокостью прервала его дѣятельность еще недовершенною: онъ палъ жертвой тѣхъ началъ, противъ которыхъ боролся. Возвращенный потомъ къ государственной дѣятельности, онъ никогда уже не стоялъ у кормила правленія и никогда не могъ уже

проявлять своей широкой творческой иниціативы. Но сила его государственнаго ума сказывалась на всякомъ порученіи, какое ему давали, и въ началѣ 30-хъ годовъ одинъ изъ приверженныхъ къ нему сановниковъ, знаменитый Мордвиновъ, обратился къ императору Николаю I съ откровенною запискою по поводу полной неурядицы въ положеніи государственныхъ дѣлъ и указалъ, что у государя, такъ расположеннаго къ благу подданныхъ, есть рѣдкая и счастливая возможность устроить государственное управленіе и обезпечить благо родины: для этого онъ долженъ призвать къ власти государственнаго генія, какой родится вѣками и который остается не у дѣлъ...

Какъ нравственная личность, Сперанскій и по характеру своему, и по поведенію, чуждому интригъ, корысти, основанному только на стремленіи къ народному благу, занимаетъ тоже исключительное мѣсто. И въ этомъ отношеніи къ нему также примѣнимы слова Пушкина: «геній блага»...

Отъ «генія блага» мы переходимъ къ «генію зла», отъ «дней Александровыхъ прекраснаго начала»—ко второй половинѣ царствованія. Но, прежде чѣмъ разсказывать о томъ, какъ развернулся въ свое время геній зла, надо напомнить объ его первоначальной судьбѣ, о томъ, на чемъ основывалась дружба Александра къ Аракчееву.

Аракчеевъ былъ не много старше Сперанскаго: онъ родился въ 1769 г. Онъ былъ сынъ бѣднаго дворянина, владѣтеля двадцати душъ крестьянъ. Первоначально Арак-

чеевъ учился у сельскаго дьячка; когда онъ подросъ, отецъ повезъ его въ Петербургъ для опредѣленія въ корпусъ. Онъ могъ это сдѣлалъ только при помощи пособій отъ благодѣтелей, а то у него не было денегъ на расходы. Въ бѣдномъ дворянинѣ принялъ участіе директоръ артиллерійскаго корпуса Мелесино и опредѣлилъ мальчика въ корпусъ и потомъ покровительствовалъ ему. Аракчеевъ учился хорошо и по выходѣ въ офицеры артиллеріи былъ рекомендованъ сначала князю Салтыкову, а затѣмъ и цесаревичу Павлу Петровичу, который нуждался именно въ человѣкѣ для устройства своей гатчинской артиллеріи. Аракчеевъ очень понравился великому князю и скоро сдѣлался очень виднымъ дѣятелемъ въ Гатчинѣ. Здѣсь, при маломъ дворѣ и въ гатчинскихъ казармахъ, провелъ онъ свою юность, здѣсь сложились его характеръ и его взгляды на жизнь. Растопчинъ, одинъ изъ близкихъ людей великаго князя, очень рѣзко отзывается вообще о лицахъ, окружавшихъ цесаревича: по его мнѣнію, даже наиболѣе честный изъ нихъ заслуживалъ бы быть колесованнымъ безъ суда. Среди этой «своеобразной школы раболѣпства и самовластія» Аракчеевъ сдѣлался важнымъ лицомъ. Прибывъ въ Гатчину въ чинѣ капитана и произведенный потомъ въ полковники, онъ былъ въ гатчинскихъ войскахъ инспекторомъ пѣхоты, командиромъ артиллеріи, исполнялъ должность гатчинскаго губернатора. Онъ привлекъ къ себѣ расположеніе великаго князя своей неутомимостью и безпрекословнымъ подчиненіемъ, своею исполнительностью, доходившею до жестокости. Аракчеевъ съ полнымъ усер-

діемъ производилъ ученія по двѣнадцати часовъ подърядъ «Аракчеевъ, — по словамъ Н. К. Шильдера, — возмужалъ среди людей отверженныхъ, презираемыхъ, покорныхъ, хотя и завистливыхъ и недовольныхъ, среди этой малой гвардіи, которая должна была впослѣдствіи осрамить, измучить и унизить настоящую старую гвардію». Для характеристики «гатчинцевъ» приведу здѣсь характерный разсказъ. Въ 1799 г., во время голландской экспедиціи, одинъ изъ гатчинскихъ офицеровъ былъ проѣздомъ въ вольномъ городѣ Гамбургѣ; онъ объявился къ нашему посланнику И. М. Муравьеву-Апостолу и просилъ его представить его гамбургскому королю, а вмѣстѣ дать знать на съѣзжую, что наказанный имъ крѣпостной человѣкъ бѣжалъ. Когда Муравьевъ сказалъ ему, что въ Гамбургѣ нѣтъ ни короля, ни съѣзжей, гатчинецъ съ презрѣніемъ воскликнулъ: «Хорошъ городъ, гдѣ нѣтъ ни короля, ни съѣзжей!»

Какъ только воцарился Павелъ I, Аракчеевъ, «гатчинскій капралъ», какъ его называетъ Растопчинъ, занялъ одно изъ самыхъ вліятельныхъ мѣстъ при новомъ правленіи. Онъ былъ произведенъ въ генералъ-майоры, назначенъ въ Преображенскій полкъ, получилъ должность петербургскаго коменданта, поселился во дворцѣ, занявъ комнаты князя Зубова. Онъ по-прежнему первенствовалъ на парадахъ и ученіяхъ. При первомъ же разводѣ грубые пріемы его обнаружились въ полной степени, и, командуя гвардейцами, онъ своимъ гнусавымъ голосомъ кричалъ на нихъ: «Что же вы, ракаліи, не маршируете! Впередъ — маршъ!» Истинный гатчинецъ, Арак-

чеевъ съ презрѣніемъ относится къ екатерининскимъ преданіямъ, какъ это видно изъ разсказа Михайловскаго-Данилевскаго: при испектированіи Екатеринославскаго гренадерскаго полка, увѣчаннаго военною славою, онъ назвалъ боевыя знамена этого полка «екатерининскими юбками». И подобные Аракчееву гатчинцы наполнили гвардію и заняли первыя должности. На одномъ изъ первыхъ парадовъ новаго государя, когда гатчинскія войска прибыли въ Петербургъ, Павелъ сказалъ имъ: «Благодарю васъ, друзья мои, за вѣрную вашу службу и въ награду за оную вы поступаете въ гвардію, а господа офицеры чинъ въ чинъ». «Съ какою печалью мы должны были считать ихъ своими сослуживцами!—говоритъ въ своихъ запискахъ гр. Комаровскій.—Иначе и быть не могло, ибо эти новые товарищи были не только безъ всякаго воспитанія, но многіе изъ нихъ развратнаго поведенія»...

Великій князь Александръ Павловичъ зналъ Аракчеева еще по Гатчинѣ. Еще тогда Аракчеевъ являлся иногда посредникомъ между отцомъ и сыномъ. Какъ знатокъ военнаго строя и гатчинскихъ порядковъ, какъ близкій въ Павлу Петровичу человѣкъ, Аракчеевъ могъ оказывать Александру нѣкоторыя услуги. Павелъ выбралъ Аракчеева, повидимому, для того, чтобы утвердить Александра въ преданности къ своей особѣ. Въ то время, какъ Екатерина задумывала передать престолъ помимо сына своему старшему внуку, Павелъ Петровичъ, напротивъ, считалъ, что и Екатерина неправильно удерживаетъ за собой власть и не передаетъ ея ему. Изъ документовъ мы

видимъ, что Аракчеевъ называлъ великаго князя его величествомъ еще до его воцаренія. Есть одна записочка Александра къ Аракчееву, гдѣ то же самое дѣлаетъ Александръ. Біографъ его предполагаетъ, что это могло быть основано даже на особомъ событіи. Какъ утромъ 11-го марта, наканунѣ своей кончины, императоръ Павелъ поручилъ генералъ-прокурору Обольянинову привести къ присягѣ на вѣрность великихъ князей Александра и Константина, такъ, по предположенію Шильдера, подобная же присяга могла быть взята Аракчеевымъ съ Александра въ Гатчинѣ, чѣмъ и объясняется титулованіе имъ своего отца тогда же титуломъ величества. Если даже препола-гаемой присяги и не было, историкъ имѣетъ всѣ основанія допустить, что именно на этой почвѣ отношеній Александра къ отцу и завязалась дружба его къ Аракчееву.

Когда цесаревичъ Павелъ Петровичъ, извѣщенный Зубовымъ объ опасной болѣзни Екатерины, прискакалъ въ Петербургъ, вслѣдъ за нимъ во дворецъ явился и Аракчеевъ. Онъ былъ тутъ же принятъ цесаревичемъ, который милостиво сказалъ ему: «Смотри, Алексѣй Андреевичъ, служи мнѣ вѣрно, какъ и прежде». Затѣмъ Павелъ призвалъ своего старшаго сына и, послѣ лестнаго отзыва объ Аракчеевѣ, соединилъ ихъ руки, сказавъ: «Будьте друзьями и помогайте мнѣ». Аракчеевъ былъ забрызганъ грязью отъ скорой ѣзды, и Александръ повелъ его къ себѣ и далъ ему переодѣться въ свою рубашку. Разсказавъ объ этой сценѣ, біографъ Александра замѣчаетъ: «Начиная съ этого рокового часа, грубая и

тусклая фигура Аракчеева дѣлается историческимъ лицомъ и навсегда заслоняетъ собой свѣтлую личность Александра».

Такъ начались отношенія Александра и Аракчеева при новомъ царствованіи. Тѣ же условія, которыя сближали Александра раньше съ «гатчинскимъ капраломъ», продолжали съ новой силой дѣйствовать и теперь. Военные порядки, введенные Павломъ, тяжело отражались на положеніи его наслѣдника, который самъ отзывался, что въ то время въ Петербургѣ «капралъ предпочитался человѣку образованному и полезному», говорилъ, что онъ самъ долженъ отдавать все свое время на исполненіе «унтеръ-офицерскихъ обязанностей». Въ первую же ночь новаго царствованія кн. П. М. Волконскій, проходя мимо дворца, видѣлъ, какъ Александръ въ сопровожденіи Аракчеева и другихъ гатчинцевъ занимался разстановкой новыхъ будокъ и часовыхъ. Съ этого времени измѣнилось и окруженіе великаго князя: вмѣсто Лагарпа и Чарторыжскаго онъ видѣлъ Архарова и Аракчеева.

Наставшіе порядки наложили на Александра много сложныхъ обязанностей. Онъ долженъ былъ ежедневно участвовать въ вахтъ-парадѣ и строго оберегать себя и ввѣренную ему часть отъ ошибокъ; черезъ него шелъ ежедневный приказъ императора по войскамъ, и онъ долженъ былъ наблюдать и отвѣчать за точное исполненіе всего; кромѣ того, онъ былъ назначенъ петербургскимъ генералъ-губернаторомъ и по этой должности тоже отвѣчалъ за строгій порядокъ и исполненіе всѣхъ распоряженій по столицѣ. Во всѣхъ этихъ дѣлахъ и обязанностяхъ Александру помогалъ Аракчеевъ, къ нему великій

князь постоянно обращался за совѣтомъ и за содѣйствіемъ... Аракчеевъ по просьбѣ Александра «муштровалъ» войска, ввѣренныя командѣ великаго князя, и руководилъ его распоряженіями. «Смотри, ради Бога, за семеновскими»,—писалъ Александръ Аракчееву, какъ знатоку гатчинскихъ хитростей, которыя вводились во всѣхъ войскахъ. «Другъ мой, Алексѣй Андреевичъ, — пишетъ Александръ,—я къ тебѣ не письмо пишу, а цѣлую грамоту и надѣюсь, что ты простишь по дружбѣ своей, что я тебя безпокою въ недоумѣніи, и снабдишь меня совѣтомъ»... И дальше Александръ сообщаетъ длинный списокъ двадцати двухъ дѣлъ, которыя онъ не могъ самъ разрѣшить. «Прочія бумаги я самъ разрѣшилъ, которыхъ, конечно, было вдвое столько же, если не болѣе. Прости меня, мой другъ, если я тебя безпокою, но я молодъ, и мнѣ нужны весьма еще совѣты,—итакъ, я надѣюсь, что ты ими меня не оставишь. Прощай, мой другъ, не забудь меня, и будь здоровъ». При такихъ условіяхъ Аракчеевъ былъ постоянно нуженъ великому князю, и послѣдній привыкъ къ нему, и въ немъ развилась личная пріязнь къ Аракчееву. Узнавъ, что Аракчеевъ назначенъ сопровождать государя и великаго князя въ ихъ путешествіи по Россіи, Александръ писалъ ему: «Это будетъ для меня великое утѣшеніе и загладитъ нѣкоторымъ образомъ печаль разлуки съ женою... Одно у меня безпокойство, это—твое нездоровье. Побереги себя ради меня». И подобныя нѣжныя изліянія повторяются не разъ въ письмахъ Александра, который ожидаетъ пріѣзда Аракчеева «съ отмѣннымъ нетерпѣніемъ», ему грустно безъ своего друга и т. п.

Аракчеевъ преуспѣвалъ по службѣ, получалъ чины и награды. Онъ продолжалъ по-гатчински командовать войсками, муштруя ихъ, позволяя себѣ безъ всякаго стѣсненія бить нещадно солдатъ, вырывать у нихъ усы, грубить офицерамъ, даже иногда давать имъ пощечины. Вигель разсказываетъ, что однажды на ученіи разъяренный Аракчеевъ укусилъ одного гренадера за носъ и вообще обращался съ солдатами «по-собачьи, какъ разъяренный бульдогъ». Во время коронаціи Аракчеевъ, кромѣ александровской звѣзды, получилъ баронскій титулъ и двѣ тысячи душъ крестьянъ съ правомъ выбрать самому имѣніе. Онъ выбралъ себѣ въ Новгородской губерніи село Грузино, которое сдѣлалось потомъ историческимъ мѣстомъ. Однако, при всемъ расположеніи государя къ Аракчееву, послѣдній не избѣгъ опалы, которая такъ часто неожиданно объявлялась тогда сановникамъ, находившимся на высотѣ вліянія и могущества. Аракчеевъ дважды подпалъ гнѣву Павла и оба раза вполнѣ справедливому, такъ что кары, постигавшія его, были, конечно, еще недостаточны въ виду его вины. Аракчеевъ былъ назначенъ генералъ-квартирмейстеромъ всей арміи, т. е. начальникомъ штаба, — должность, къ которой онъ не былъ годенъ ни по своимъ дарованіямъ, ни по познаніямъ. Въ занятія свои по новой должности и въ обращеніе съ офицерами квартирмейстерской части Аракчеевъ внесъ свои пріемы, кторые онъ примѣнялъ къ разводамъ и ученіямъ въ манежѣ. Служба офицеровъ подъ его начальствомъ была «преисполнена отчаянія». Онъ засадилъ своихъ подчиненныхъ за совершенно безполезную работу, заставлялъ ихъ

постоянно перечерчивать старые, ненужные планы. Во время занятій, которыя продолжались съ 7-ми часовъ утра до 7-ми часовъ вечера, съ перерывомъ для обѣда, Аракчеевъ по нѣскольку разъ забѣгалъ въ чертежныя и тамъ, мало понимая дѣло, подъ самыми пустыми предлогами накидывался на офицеровъ съ грубою бранью. Однажды онъ даже ударилъ одного молодаго колонновожатаго. Въ другой разъ гнѣвъ его направился на полковника Лена, человѣка заслуженнаго, георгіевскаго кавалера, сподвижника Суворова. Аракчеевъ ни за что при всѣхъ обругалъ его площадными словами. Ленъ, возвратившись домой, написалъ письмо Аракчееву и застрѣлился. Онъ былъ лично извѣстенъ государю, который, услыхавъ о происшествіи, потребовалъ отъ Аракчеева письмо Лена. Въ это же время всеобщее негодованіе было возбуждено тѣмъ, что Аракчеевъ на ученіи публично осыпалъ въ строю преображенцевъ позорною руганью и, обходя ихъ ряды, билъ солдатъ своею тростью... Павелъ уступилъ всеобщему негодованію: Аракчеевъ былъ сначала уволенъ въ отпускъ для излѣченія, а затѣмъ получилъ отставку съ производствомъ, однако, въ генералъ-лейтенанты.

Эта немилость и отставка не прервали дружескихъ сношеній Александра съ Аракчеевымъ. Александръ писалъ ему письма, въ которыхъ увѣрялъ въ постоянномъ своемъ расположеніи, и подписывался: «Остаюсь на вѣкъ твой вѣрный другъ». Самая опала продолжалась недолго: черезъ полгода Аракчеевъ былъ вновь принятъ на службу и опять былъ сдѣланъ генералъ-квартирмейстеромъ, а затѣмъ былъ назначенъ инспекторомъ всей артиллеріи и,

кромѣ орденовъ, пожалованъ изъ бароновъ въ графы Россійской имперіи «за отличное усердіе и труды, на пользу службы подъемлемые». Въ графскій гербъ Аракчеева Павелъ собственноручно вписалъ девизъ: «Безъ лести преданъ». И послѣ возвращенія на службу Аракчеевъ нисколько не измѣнилъ своего поведенія съ подчиненными. Своимъ придирчивымъ и жестокимъ обращеніемъ, мелочностью и оскорбительнымъ недовѣріемъ онъ, по отзыву историка, отравлялъ охоту къ службѣ, и истреблялъ любовь къ ней. Были у него самого, вмѣстѣ съ тѣмъ, серьезныя упущенія по службѣ, и въ сентябрѣ 1799 г. ему объявленъ выговоръ «за несмотрѣніе за тѣмъ, что служители гарнизонныхъ артиллерійскихъ ротъ не были удовлетворены слѣдующимъ имъ». Вскорѣ Аракчеевъ навлекъ на себя вторично опалу. Въ артиллерійскомъ складѣ произведено было пустое воровство однимъ солдатомъ, обрѣзавшимъ позументъ съ какой-то колесницы. Объ этомъ происшествіи Аракчеевъ долженъ былъ донести государю. Между тѣмъ караулъ при складѣ былъ отъ того артиллерійскаго батальона, которымъ командовалъ братъ его, Андрей Андреевичъ Аракчеевъ. Графъ Аракчеевъ прикрылъ брата и донесъ, что караулъ былъ отъ полка генералъ-лейтенанта Вильде, и послѣдній былъ немедленно отставленъ. Онъ не оставилъ такъ дѣла и черезъ царскаго любимца Кутайсова довелъ обо всемъ до свѣдѣнія Павла. 1-го октября 1799 г. Аракчеевъ «за ложное донесеніе» былъ отставленъ отъ службы; братъ его тоже былъ отставленъ. Паденіе Аракчеева вызвало всеобщую радость въ военномъ мірѣ. Но Александръ и

теперь не прерывалъ своихъ сношеній съ Аракчеевымъ, писалъ ему дружескія письма, извѣщая о настроеніи государя и о положеніи дѣлъ, о своихъ семейныхъ обстоятельствахъ и пр. На этотъ разъ отставка Аракчеева продолжалась долго, и только въ слѣдующее царствованіе, въ которое ему пришлось играть такую важную роль, онъ былъ опять призванъ на службу.

Выше указаны условія, которыя сблизили Александра съ Аракчеевымъ. Великій князь нуждался въ его услугахъ, входилъ съ нимъ въ сношенія, привыкъ и привязался къ нему. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, тяготясь лежащими на немъ обязанностями унтеръ-офицера, все-таки въ силу привычки получилъ сильную склонность къ тѣмъ военнымъ парадамъ и экзерциціямъ, въ которыхъ Аракчеевъ былъ такъ силенъ; поэтому Александръ цѣнилъ въ Аркачеевѣ опытнаго экзерцирмейстера. Аркачеевъ былъ «безъ лести преданъ» Павлу, былъ посредникомъ между нимъ и его старшимъ сыномъ, а послѣ кончины Павла поставилъ у себя въ Грузинѣ памятникъ почившему, надписавъ на немъ: «Сердце чисто и духъ правъ предъ тобою». Онъ писалъ въ это время императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ: «Кто чистъ душею и помышленіемъ моему единственному отцу и благодѣтелю, также вѣчно будетъ преданъ и всеавгустѣйшему его семейству». И Александръ не могъ не цѣнить въ Аракчеевѣ этой безупречной преданности, и въ этомъ, несомнѣнно, въ связи съ прежними отношеніями, была прочная точка опоры для дружбы къ Аракчееву, особенно позднѣе, когда душею Александра овладѣло мистическое настроеніе. Надо ко всему этому

прибавить, что Аракчеевъ умѣлъ поддѣлываться къ Александру, представляясь ему грубо-откровеннымъ, но добрымъ человѣкомъ. Одинъ современникъ замѣтилъ объ Аркачеевѣ: «Судя по воспитанію и ходу фортуны графа Аракчеева, слѣдуетъ заключить, что имѣетъ онъ умъ нравиться, кому слѣдуетъ». Наблюдавшій близко отношенія императора Александра I къ Аракчееву, Михайловскій-Данилевскій замѣтилъ: «Безъ блистательныхъ подвиговъ, безъ особенныхъ дарованій отъ природы, не учившись ничему, кромѣ русскаго языка и математики, даже безъ тѣхъ наружныхъ пріятностей, которыя иногда привлекаютъ невольно къ человѣку, Аракчеевъ умѣлъ, однако же, одинъ изъ пятидесяти милліоновъ подданныхъ пріобрѣсти неограниченное довѣріе такого государя, который имѣлъ умъ образованнѣйшій, обращеніе очаровательное, и котораго свойства состояли преимущественно въ скрытности и проницательности». Біографъ Александра говоритъ о томъ, какъ многія приближенныя къ императору лица подпали внезапной немилости—подобно тому, какъ это случилось со Сперанскимъ. «Одинъ только человѣкъ остался избавленнымъ отъ подобныхъ разочарованій,—это былъ графъ Аракчеевъ; для него одного во всемъ существовало исключеніе, непримѣнимое къ другимъ смертнымъ, но, къ сожалѣнію, именно это необычайное въ жизни Александра проявленіе постоянства принесло Россіи одни горькіе плоды».

По вступленіи на престолъ императоръ Александръ не сразу призвалъ къ себѣ Аракчеева, который еще болѣе двухъ лѣтъ оставался въ отставкѣ. Весной 1803 г., на-

конецъ, Аракчеевъ былъ вновь назначенъ инспекторомъ всей артиллеріи. Съ этихъ поръ и до конца онъ оставался самымъ приближеннымъ человѣкомъ къ Александру. Конечно, Аракчеевъ старался, особенно въ первое время, поддѣлываться подъ мягкій тонъ новаго царствованія, но все-же съ самаго начала онъ попрежнему показалъ себя придирчивымъ и мелочнымъ начальникомъ.

Во время кампаніи 1805 г. въ свитѣ государя находился и Аракчеевъ. При диспозиціи для аустерлицкаго боя Александръ хотѣлъ назначить своего любимца командовать одной изъ колоннъ, но Аракчеевъ самымъ рѣшительнымъ образомъ отказался отъ этого. Онъ сопровождалъ Александра на поле битвы только въ самомъ началѣ, а когда сраженіе разгорѣлось, онъ поспѣшилъ уѣхать. Такъ было и позднѣе: во время походовъ 1813—1812 гг. Аракчеевъ ни разу не рѣшился выѣхать на поле сраженія даже хотя бы въ составѣ императорской квартиры. Такъ и остался онъ плацъ-параднымъ генераломъ, не нюхавшимъ пороха въ эпоху постоянныхъ войнъ, и если отличался на кровавомъ полѣ, то на болѣе безопасномъ для него,—на полѣ военныхъ экзекуцій.

Трусо сть Аракчеева не отвратила отъ него Александра. Напротивъ того, по замѣчанію одного современника, послѣ аустерлицкаго сраженія Александръ сталъ особенно доступенъ внушеніямъ Аракчеева: «Аустерлицкая баталія сдѣлала великое вліяніе надъ характеромъ Александра, и ее можно назвать эпохой въ его правленіи. До того онъ былъ кротокъ, довѣрчивъ, ласковъ, а тогда сдѣлался подозрителенъ, строгъ до безмѣрности, неприступенъ и не

терпѣлъ уже, чтобы кто нибудь говорилъ ему правду; къ одному графу Аракчееву имѣлъ полную довѣренность, который по жестокому своему свойству приводилъ государя на гнѣвъ и тѣмъ отвлекалъ отъ него людей, истинно любящихъ его и Россію». Степень довѣрія императора Александра къ Аракчееву въ эту эпоху видна изъ слѣдующаго. Онъ былъ назначенъ, съ сохраненіемъ всѣхъ прежнихъ званій, состоять при государѣ по артиллерійской части, причемъ послѣдовалъ указъ: «Объявляемыя генераломъ-отъ-артиллеріи графомъ Аракчеевымъ Высочайшія повелѣнія считать именными нашими указами». Вскорѣ послѣ этого Аракчеевъ былъ назначенъ военнымъ министромъ; онъ согласился взять эту должность только подъ условіемъ значительнаго расширенія власти военнаго министра, полной передачи въ его руки всѣхъ докладовъ по военному дѣлу и подчиненія его распоряженіямъ даже главнокомандующихъ арміями. Надо сказать, что Аракчеевъ вообще очень ревниво относился къ своему вліянію и всегда старался вредить всѣмъ лицамъ, которыхъ Александръ приближалъ къ себѣ, добиваясь нераздѣльной власти надъ нимъ, но при этомъ дѣйствовалъ очень осторожно, постепенно.

Въ 1810 г. Аракчеевъ былъ назначенъ предсѣдателемъ военнаго департамента въ преобразованномъ государственномъ совѣтѣ и оставилъ министерскій портфель, но въ 1812 г. ему опять было отдано военное министерство. Вскорѣ Аракчееву было поручено совершенно особое дѣло,— новоучреждаемыя военныя поселенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ мало-по-малу къ нему перешли всѣ дѣла внутренняго

управленія. Послѣ паденія Сперанскаго планы преобразованія были отложены; Александръ, низвергнувъ Наполеона, отдался интересамъ Священнаго союза и вопросамъ европейской политики, а внутреннія дѣла поручилъ своему безъ лести преданному другу. «Геній блага» уступалъ мѣсто «генію зла».

Военныя поселенія, представлявшія такое бѣдствіе для Россіи, имѣли еще то вредное послѣдствіе, что послужили Аракчееву средствомъ окончательно укрѣпиться въ довѣренности Александра и занять подавляющее положеніе во всѣхъ правительственныхъ дѣлахъ.

Мысль учредить военныя поселенія принадлежала самому императору Александру I; она возникла у него еще до войны 1811 г. Въ манифестѣ, выражавшемъ признательность всему народу за его подвиги во время Отечественной войны, было сказано: «Надѣемся, что продолженіе мира и тишины подастъ намъ способъ не только содержаніе воиновъ привесть въ лучшее и обильнѣйшее прежняго, но даже дать имъ осѣдлость и присоединить къ нимъ семейства». Здѣсь ясно было высказано намѣреніе основать военныя поселенія. Преданіе говоритъ, что когда императоръ Александръ впервые открылъ Аракчееву планъ военныхъ поселеній, то графъ возражалъ и уступилъ только настояніямъ государя. Это нисколько, однако, не снимаетъ отвѣтственности съ Аракчеева, который не только дѣйствовалъ въ военныхъ поселеніяхъ съ возмутительной жестокостью, но и поддерживалъ государя въ начатомъ дѣлѣ, доставляя ему невѣрныя свѣдѣнія о мнимомъ благоденствіи военныхъ поселянъ. Впослѣдствіи

Аракчеевъ хвастливо писалъ, что мысль объ основаніи военныхъ поселеній ему первому и ему единому была открыта, и, удостоенный довѣрія его величества, онъ одинъ имѣлъ счастье принимать его приказанія и руководствоваться его наставленіями. Весьма характерно, что планъ военныхъ поселеній, открытый единому Аракчееву, не былъ вовсе переданъ на обсужденіе подлежащаго учрежденія, не попалъ въ такъ недавно еще преобразованный государственный совѣтъ. Характерно также и то, что Аракчеевъ ни съ самаго начала, ни позднѣе не желалъ составленія опредѣленнаго Положенія о военныхъ поселеніяхъ, старался противиться попыткѣ, которую сдѣлалъ въ этомъ направленіи возвращенный Сперанскій.

Первыя же мѣры къ поселенію полковъ и къ обращенію цѣлыхъ селеній въ солдаты вызвали неудовольствіе и неповиновеніе. Александръ, проникнутый убѣжденіемъ въ пользѣ начатаго дѣла, поддерживаемый своимъ усерднымъ другомъ, высказалъ намѣреніе довести, во что бы то ни стало, предпріятіе до конца. Военныя поселенія будутъ, «хотя бы пришлось уложить трупами дорогу отъ Петербурга до Чудова»; «я уже справлялся съ несравненно болѣе трудными дѣлами и желаю, чтобы мнѣ повиновались въ этомъ»,—говорилъ Александръ.

Поселеніе войскъ началось въ 1816 г., а къ концу царствованія Александра военныя поселенія охватывали уже третью часть всей арміи, составляя, подъ командой Аракчеева, какъ бы особое военное государство въ государствѣ. Въ первый же годъ, объѣхавъ поселенныя войска, Аракчеевъ доносилъ царю, «что онъ съ удоволь-

ствіемъ видѣлъ доброе начало предпринятыхъ мѣръ». Вмѣстѣ съ тѣмъ отчеты Аракчеева постоянно выводили большую экономическую выгоду отъ военныхъ поселеній; провѣрка этихъ отчетовъ показываетъ, что, напротивъ того, поселенія, въ концѣ-концовъ, стоили дороже обыкновенныхъ войскъ. Неудовольствія среди военныхъ поселянъ начались скоро. Они подавали государю прошенія «о защитѣ хрещеннаго народа отъ Аракчеева». Ненависть къ Аракчееву въ военныхъ поселеніяхъ создалась быстро и держится въ народѣ до сихъ поръ, хотя и военныя поселенія давно уже уничтожены. Во время одного изъ случаевъ неповиновенія поселянъ они единогласно, съ женщинами и дѣтьми, говорили генералу Лисаневичу: «Не хотимъ военнаго поселенія; оно не что иное есть, какъ служба графу Аракчееву, а не государю; а Аракчееву скажите, что мы приняли непремѣнно рѣшительныя мѣры истребить его, и знаемъ навѣрное, что съ концомъ его разрушится военное поселеніе».

Въ запискахъ великой княгини Александры Ѳеодоровны мы находимъ характеристику Аракчеева и указаніе на ходъ дѣла по военнымъ поселеніямъ... «Аракчеевъ былъ главнымъ помощникомъ императора. Онъ былъ необходимъ ему и работалъ съ нимъ ежедневно. Черезъ его руки проходили почти всѣ дѣла. Этого человѣка боялись, его никто не любилъ; я никогда не могла понять, какимъ способомъ онъ сумѣлъ удержаться въ милости до самой кончины императора Александра. Другая личность, пользовавшаяся милостью и дружбою императора, былъ князь А. Н. Голицынъ... Я чувствовала себя пріятнѣе въ об-

ществѣ Голицына, нежели Аракчеева, который говорилъ только по-русски и внушалъ мнѣ какой-то инстинктивный страхъ. Въ то время (въ 1817 г.) много говорили о военныхъ поселеніяхъ, основанныхъ не болѣе года тому назадъ по мысли самого императора; но выполненіе этого проекта было довѣрено Аракчееву, и оно проводилось не съ кротостью, а, напротивъ того, грубыми и жестокими способами, что вызывало неудовольствіе бѣдныхъ крестьянъ. По пути намъ попадались мѣстами жители нѣкоторыхъ деревень, на колѣняхъ умолявшіе о томъ, чтобы положеніе ихъ не измѣняли».

Самое сильное возстаніе въ военныхъ поселеніяхъ было въ Чугуевѣ въ 1819 г. Аракчеевъ самъ былъ при усмиреніи возстанія и присутствовалъ при жестокихъ наказаніяхъ, къ которымъ приговорилъ главныхъ бунтовщиковъ. Онъ подробно описывалъ все императору Александру въ очень любопытномъ письмѣ. Аракчеевъ описывалъ сначала несовершенства человѣческаго творенія, писалъ о христіанскомъ настроеніи и пр. Но онъ все-таки рѣшилъ наказать преступниковъ ради общаго блага, противъ своего желанія. Онъ приговорилъ 275 человѣкъ «къ лишенію живота»,—именно, къ наказанію шпицрутенами, къ прогнанію сквозь строй въ тысячу человѣкъ по четыре раза. «Опредѣленное наказаніе произведено въ Чугуевѣ 18-го августа, и къ оному приведены изъ Волчанска всѣ арестанты и изъ Зміева главнѣйшіе бунтовщики. При ономъ находились и всѣ арестанты, содержавшіеся въ Чугуевѣ, и депутаты, бывшіе у меня въ Харьковѣ. Ожесточеніе преступниковъ было до такой степени, что изъ 40 чело-

вѣкъ трое, раскаявшись въ своемъ преступленіи, просили помилованія; они на мѣстѣ же прощены, а 37 наказаны; но сіе наказаніе не подѣйствовало на остальныхъ преступниковъ... По окончаніи сего наказанія, спрошены были всѣ не наказанные арестанты, каются ли они въ своемъ преступленіи и прекратятъ ли свое буйство? Но какъ они единогласно сіе отвергли, то начальникъ штаба поселенныхъ войскъ, съ согласія моего, приказалъ изъ нихъ взять первыхъ возмутителей и наказать на мѣстѣ шпицрутетами, а толпа преступниковъ, подъ арестомъ находящаяся, только тогда пришла въ повиновеніе и начала просить помилованія, когда наказано было изъ нихъ 15 человѣкъ. Въ то же время самое наказаніе прекращено, и всѣ арестанты, не бывшіе подъ судомъ, приведены вновь къ присягѣ... Принеся въ душѣ моей благодарность Всевышнему, я немедленно переѣхалъ на жительство въ Чугуевъ»... Аракчеевъ успокаивалъ, что при наказаніи присутствовали медицинскіе чиновники, которые наблюдали за тѣмъ, чтобы наказаніе было по силамъ преступниковъ. Въ слѣдующемъ письмѣ Аракчеевъ пишетъ: «Происшествія, здѣсь бывшія, меня очень разстроили; я не скрываю отъ васъ, что нѣсколько преступниковъ, самыхъ злыхъ, послѣ наказанія, законами опредѣленнаго, умерли, и я отъ всего онаго начинаю очень уставать, въ чемъ откровенно признаюсь передъ вами»... На это Аракчеевъ получилъ такой отвѣтъ: «Съ одной стороны, могъ я въ надлежащей силѣ цѣнить все, что твоя чувствительная душа должна была претерпѣть въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ ты находился. Съ

другой, умѣю я также цѣнить благоразуміе, съ коимъ ты дѣйствовалъ въ сихъ важныхъ происшествіяхъ. Благодарю тебя искренно отъ чистаго сердца за всѣ твои труды». Чугуевскія волненія были усмирены, и развитіе военныхъ поселеній продолжалось и дальше, до конца царствованія Александра I.

Выше уже было упомянуто, что Аракчеевъ во вторую половину царствованія былъ главнымъ рѣшителемъ всѣхъ внутреннихъ дѣлъ. Онъ самъ говорилъ про себя: «Аракчеевъ есть первый человѣкъ въ государствѣ». Михайловскій-Данилевскій называетъ его «настоящимъ намѣстникомъ» имперіи... «Говорятъ, у насъ только одинъ вельможа—графъ Аракчеевъ»,—писалъ Карамзинъ, который долженъ былъ обратиться къ покровительству Аракчеева для того, чтобы представить Александру свою исторію. «Аракчеевъ—душа всѣхъ дѣлъ,—говоритъ Растопчинъ.—Черезъ Аракчеева шли къ докладу всѣ дѣла, не исключая духовныхъ, не исключая и мнѣній государственнаго совѣта. Безъ Аркачеева ничего не могло быть рѣшено, и онъ, конечно, вліялъ по-своему на всякое рѣшеніе. Министры ничего не значили, они должны были постоянно заискивать въ Аракчеевѣ, подчиняться его требованіямъ, выносить его грубости. Императоръ Александръ во всемъ полагался на преданность Аракчеева и безусловно довѣрялъ ему. Когда въ 1823 г. Аракчееву удалось свергнуть давнишняго друга государя, князя Волконскаго, на его мѣсто начальникомъ штаба былъ назначенъ Дибичъ, и при представленіи его Александръ сказалъ ему про Аракчеева: «Ты найдешь въ немъ чело-

вѣка необразованнаго, но единственнаго по усердію ко мнѣ и трудолюбію; старайся съ нимъ ладить и дружно жить: ты будешь имѣть съ нимъ часто дѣло и оказывай ему возможную довѣренность и уваженіе».

Аракчеевъ возбуждалъ къ себѣ всеобщую ненависть. Только знаменитый архимандритъ Фотій былъ доволенъ его докладами по церковнымъ дѣламъ и писалъ: «Онъ явился, рабъ Божій, за святую вѣру и церковь, яко Георгій Побѣдоносецъ». Князь Волконскій называлъ Аракчеева въ своихъ письмахъ и разговорахъ не иначе какъ «проклятый змѣй», «злодѣй». Закревскій называлъ его «вреднѣйшимъ человѣкомъ» и пр. Подобное же отношеніе было къ Аракчееву и въ обществѣ. Въ запискахъ одной современницы читаемъ про Аракчеева: «Злобный и мстительный человѣкъ, служилъ только въ Гатчинѣ, училъ военному искусству на Марсовомъ полѣ и на площадяхъ Исакіевской и Дворцовой и, какъ увѣряютъ, разсуждаетъ о дѣлахъ совсѣмъ противно здравому разсудку». Гр. Комаровскій писалъ объ Аракчеевѣ, что онъ «чуждъ любви къ отечеству», а въ воспоминаніяхъ Вигеля мы находимъ такую характеристику: «Еще въ ребячествѣ слышалъ я, какъ съ омерзѣніемъ и ужасомъ говорили о людоѣдѣ Аракчеевѣ. Съ конца 1786 г. и по 1801 былъ у насъ свой терроризмъ, и Аракчеевъ почитался нашимъ русскимъ Маратомъ. Въ кроткое царствованіе такіе люди казались невозможны; этотъ умѣлъ сдѣлаться необходимъ и всемогущъ. Сначала онъ былъ употребленъ имъ, какъ исправительная мѣра для артиллеріи, потомъ какъ наказаніе всей арміи, и подъ конецъ, какъ мщеніе всему рус-

скому народу». Этой всеобщей ненависти къ Аракчееву не осталась чужда и литература. На него сочинялись эпиграммы и сатиры. Одну изъ такихъ эпиграммъ приводитъ Шильдеръ:

Девизъ твой говоритъ,
Что преданъ ты безъ лести.
Повѣрю. Но—чему?
— Коварству, злобѣ, мести.

Пушкинъ сочинилъ на Аракчеева такую эпиграмму:

Всей Россіи притѣснитель,
Губернаторовъ мучитель,
И совѣта онъ учитель,
А царю онъ—другъ и братъ;
Полонъ злобы, полонъ мести,
Безъ ума, безъ чувствъ, безъ чести,—
Кто жъ онъ „преданный безъ лести"?—
— Просто фрунтовой солдатъ.

(Изд. „Просвѣщеніе", I. 265).

Эта эпиграмма относится къ началу 1820 г., и преданіе говоритъ, что она послужила чуть ли не главной причиной послѣдовавшей вскорѣ ссылки Пушкина.

Въ томъ же 1820 г. было напечатано знаменитое посланіе Рылѣева «Къ временщику»:

Надменный временщикъ, и подлый, и коварный,
Монарха хитрый льстецъ и другъ неблагодарный,
Неистовый тиранъ родной страны своей,
Взнесенный въ важный санъ пронырствами злодѣй!

Сатира, хотя и прикрытая именемъ Персія, была слишкомъ ясна и понятна. Аракчеевъ не рѣшился тутъ на преслѣдованіе автора.

Какъ ни былъ преданъ императору Александру Аракчеевъ, но когда въ 1825 г. его крѣпостные, выведенные изъ терпѣнія невозможными жестокостями, убили его

любимую ключницу Настасью Минкину, Аракчеевъ отдался своему горю и кровавому розыску до того, что бросилъ всѣ дѣла, порученныя ему, и, между прочимъ, разслѣдованіе по заговору политическаго характера. Онъ объявилъ, что по болѣзни заниматься ничѣмъ не можетъ, самъ, безъ вѣдома государя, назначилъ себѣ замѣстителя по военнымъ поселеніямъ и оставался совершенно глухъ къ нѣжнымъ письмамъ и утѣшеніямъ, которыя ему присылалъ императоръ Александръ изъ Таганрога, обезпокоенный здоровьемъ своего любимца. Но, какъ только до Аракчеева дошла вѣсть о кончинѣ Александра I, онъ сразу выздоровѣлъ и донесъ новому царю, что онъ вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей. Вскорѣ онъ явился и въ Петербургъ. 14-го декабря онъ не былъ на площади, а оставался вмѣстѣ съ престарѣлыми сановниками Екатерины, показавъ еще разъ свою храбрость.

Въ цитированныхъ выше воспоминаніяхъ Батенькова содержится и краткій, но любопытный отзывъ объ Аракчеевѣ. «Объ Аракчеевѣ думаютъ,—разсказывалъ Батеньковъ,—что онъ былъ необыкновенно какъ преданъ Александру; никто теперь не повѣритъ, ежели сказать, что онъ ненавидѣлъ Александра, а онъ именно его ненавидѣлъ. Я вамъ это говорю не какъ догадку, а какъ фактъ, который мнѣ хорошо извѣстенъ, потому что я зналъ Аракчеева коротко. Павлу онъ былъ дѣйствительно преданъ, а Александра онъ ненавидѣлъ отъ всей души и сблизился съ нимъ изъ честолюбія. Онъ радовался, когда Александръ принималъ какія-нибудь строгія мѣры, но радовался потому именно, что онѣ навлекали на Александра

нареканія и возбуждали противъ него неудовольствіе». Конечно, никакъ нельзя сказать, что увѣренія Батенькова представляются сразу пріемлемыми и все объясняютъ намъ, однако, какъ ни парадоксальны они съ перваго взгляда, но мы невольно находимъ имъ нѣкоторое подтвержденіе въ поведеніи Аракчеева въ 1825 г., сначала по случаю убійства Минкиной, а затѣмъ по случаю кончины императора Александра. Что Аракчеевъ до конца сохранилъ особенную преданность къ памяти императора Павла и потому иногда позволялъ себѣ даже высказывать болѣе или менѣе рѣзкое замѣчаніе по адресу Александра, это мы видимъ изъ сообщаемаго Пушкинымъ и княземъ Вяземскимъ разсказа объ отзывѣ Аракчеева на похоронахъ генерала Уварова, одного изъ близкихъ къ Александру и преданныхъ ему лицъ, бывшаго при Павлѣ въ числѣ недовольныхъ правленіемъ Павла.

При Николаѣ I Аракчеевъ не имѣлъ уже никакого значенія. Молодой государь не любилъ его. Въ запискахъ Пушкина мы читаемъ: «Государь не любитъ Аракчеева. Это—извергъ,—говорилъ онъ съ 1825 г., послѣ занятій съ нимъ. Аракчеевъ оставался не у дѣлъ до своей смерти, которая послѣдовала 21-го апрѣля 1834 г. Сообщая о смерти Аракчеева въ письмѣ къ женѣ, Пушкинъ писалъ: «Объ этомъ во всей Россіи жалѣю я одинъ. Не удалось мнѣ съ нимъ свидѣться и наговориться»...

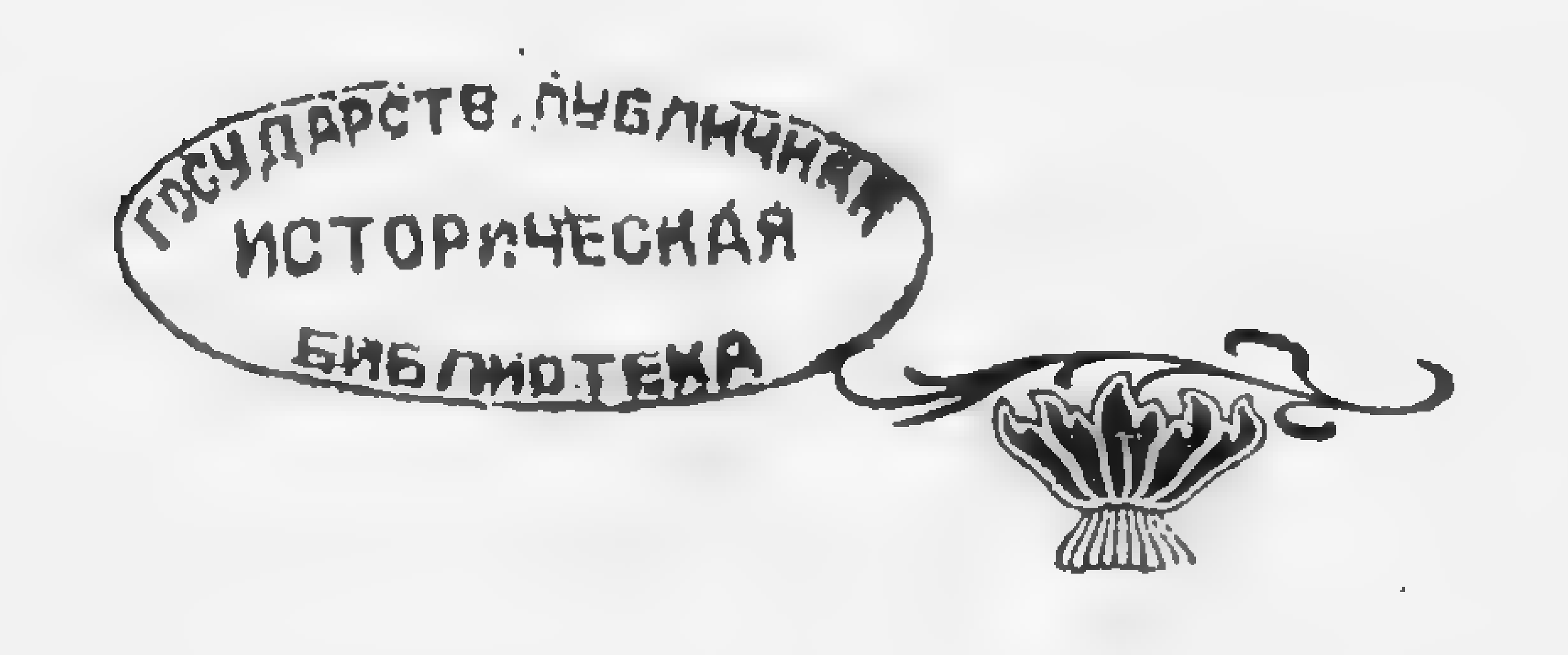
Въ 1816 г. состоялось Высочайшее повелѣніе, предоставившее Аракчееву избрать по своей волѣ наслѣдника своему имуществу. Аракчеевъ не назначилъ наслѣдника, но сдѣлалъ распоряженіе: «Ежели бы дни его прекрати-

лись прежде избранія имъ достойнаго наслѣдника, то сіе избраніе предоставляетъ онъ государю императору». Послѣ смерти Аракчеева императоръ Николай назначилъ наслѣдникомъ новгородскій кадетскій корпусъ, принимая во вниманіе, что Аракчеевъ и при жизни еще сдѣлалъ пожертвованіе въ пользу воспитанія недостаточныхъ кадетъ. Корпусъ получилъ наименованіе «Аракчеевскаго» и былъ потомъ переведенъ въ Нижній, гдѣ находится и теперь. Не задолго до своей смерти Аракчеевъ сдѣлалъ слѣдующее распоряженіе: онъ внесъ въ Государственный заемный банкъ 50,000 руб. съ тѣмъ, чтобы капиталъ этотъ былъ неприкосновеннымъ и наращался процентами до 1925 г., когда три четверти изъ этого капитала должны быть выданы въ видѣ преміи за лучшее сочиненіе по исторіи Александра I, а остальная четверть должна пойти на изданіе этого сочиненія и на вознагражденіе переводчикамъ за переводъ его по-французски и по-нѣмецки. Къ 1925 г. изъ положеннаго за 98 лѣтъ до того капитала должна образоваться милліонная сумма. Еще болѣе 20-ти лѣтъ остается до срока преміи, и до тѣхъ поръ, вѣроятно, появится еще не одна подробная исторія Александра I. Можно одно заранѣе сказать съ полною увѣренностью: въ премированной исторіи Александра I будетъ содержаться очень строгое осужденіе основателя преміи, безъ лести преданнаго Аракчеева. Исполнится тогда, какъ исполняется и теперь уже, предсказаніе Рылѣева:

За зло и вѣроломство
Тебѣ свой приговоръ произнесетъ потомство.

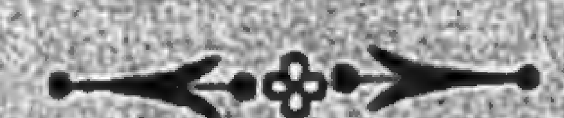
Возвратимся къ тому, съ чего начали, къ отзыву Пушкина.

Сперанскій и Аракчеевъ стоятъ въ двухъ противоположныхъ концахъ царствованія Александра I, какъ геніи блага и зла. И появленіе, и продолжительное господство генія зла только еще больше оттѣняютъ значенія генія блага и началъ, которыя онъ проводилъ, къ осуществленію которыхъ онъ стремился.

Всеобщая Библіотека Г. Ѳ. ЛЬВОВИЧА.

К. Каутскій.—Возникновеніе семьи и брака. Переводъ Г. Ѳ. Львовича Изд. 2-е. Цѣна 25 коп.
К. Каутскій. — Національность нашего времени. Переводъ Г. Ѳ. Львовича. Цѣна 10 коп.
А. Киландъ.—Ядъ, романъ. Переводъ А. А. Русаковой-Львовичъ. (163 стр.). Цѣна 25 коп.
А. Киландъ.—Фортуна, романъ. Переводъ. А. А. Русаковой-Львовичъ. (181 стр.) Цѣна 25 коп.
Г. И. Успенскій.—Пришло на память. Цѣна 10 коп.
Г. И. Успенскій.—Обстановочка.—Идилія. Невидимка Авдотья. Цѣна 10 коп.
Г. И. Успенскій.—Слѣпой пѣвецъ.—Чуткое сердце. Цѣна 10 к.
Г. И. Успенскій.—Богъ грѣхамъ терпитъ. Цѣна 10 коп.
Г. И. Успенскій.—Отцы и дѣти Цѣна 10 коп.
Ю. С. Гамбаровъ.—Политическія партіи въ ихъ прошломъ и настоящемъ. Цѣна 20 коп.
А. А. Герценъ.—Наука и нравственность. Изд. 2-е. Цѣна 15 к.
П. Г. Мижуевъ.—Министръ-каменщикъ. Жизнь и дѣятельность англійскаго рабочаго, впослѣдствіи члена министерства, Генри Бродгерста. Цѣна 50 коп.
К. Каутскій.—Развитіе государственнаго строя на Западѣ. Переводъ Г. Ѳ. Львовича. Цѣна 15 к.
К. Каутскій.—Противорѣчія классовыхъ интересовъ въ 1789 г. Переводъ Г. Ѳ. Львовича. Изданіе 2-е, исправленное и дополненое. Цѣна 10 коп.
К. Каутскій.—Изъ исторіи культуры. Серія очерковъ (Печат.)
I. Платоновскій и древне-христіанскій коммунизмъ. Цѣна 20 коп.
Дальнѣйшіе очерки печатаются.
Карлъ-Марксъ.—Заработная плата, цѣна и прибыль. Ц. 20 к.
Э. Бернштейнъ.—Развитіе формъ хозяйственной жизни. Переводъ П. Розенбергъ подъ редакціей П. А. Берлина. (Печат.)

СКЛАДЪ ИЗДАНІЙ

въ книжныхъ магазинахъ Н. П. КАРБАСНИКОВА.

СПБ., Литейный пр., д. 46;

Москва, Моховая., д. Баженова; **Варшава**, Новый свѣтъ д. 67;

Вильна, Большая ул., домъ Гордона.

По дѣламъ издательства обращаться къ **Г. Ѳ Львовичу**.

(С.-Петербургъ, Петерб. Ст., Большой просп., № 61).

